

В. Е. Быкасов

**ПОХОДЫ
СЕМЁНА ДЕЖНЁВА**

**Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»
2020**

УДК 91(091) + 91(092)
ББК 26.8+26.891
Б95

12+

Быкасов В. Е.

Походы Семёна Дежнёва. – Петропавловск-Камчатский : Камчат-
Б95 пресс, 2020. – 108 с. : ил. 6, библи. 74.

ISBN 978–5-9610-0371-0

На основе ландшафтно-ситуационного анализа основных обстоятельств похода С. Дежнёва и Ф. Попова к реке Анадырь показывается, что, скорее всего, коч С. Дежнёва был выброшен на юго-западный берег Чукотского полуострова восточнее залива Креста, откуда его отряд пешком вышел на берег Анадырского лимана. Летом следующего года 12 выживших во время трудной зимовки казаков, на выстроенных из плавника лодках поднялись на 480 километров вверх по реке Анадырь и поставили в её среднем течении Анадырское зимовье.

Высказывается предположение о том, что коч Ф. Попова, унесённый к юго-востоку от горла Анадырского лимана, после блуждания по центральной и юго-западной части Берингова моря, достиг берега Азиатского материка в районе северного побережья Олюторского моря (нынешнего залива Корфа). Здесь, во время зимовки, Ф. Попов и Г. Анкудинов умерли от цинги, а оставшиеся в живых казаки и промышленные люди в последующем на лодках доплыли до нынешней реки Русакова, откуда пешком ушли на реку Еловка, а затем на Тигиль.

Ключевые слова: Чукотский полуостров, мыс Дежнёва, Анадырский залив, река Анадырь, Русская Кошка, коса Гека, мыс Наварин, Хатырка, Опука, Укэляят.

S. Dezhnyov's appearance on the Anadyr River and F. Popov's fate. Bykasov V. E.

Basing on the landscape-situational analysis of data about S. Dezhnyov and F. Popov's voyage, it is being shown, that, most likely, S. Dezhnyov's koch was thrown ashore to the South-Western coast of Chukotka Peninsula to the east of Krest Bay, where his squad continued on feet to the coast of South Anadyrsky Estuary. In summer of the next year 12 cossack survivors of a tough wintering used driftwood-made boats to go 480 km up the Anadyr River and built Anadyrskoye Zimovye in its middle course.

The supposition that F. Popov's Koch, brought far to the South-East of Anadyrskoye Bay, after long wandering around South-West of the Bering Sea, has reached the Asian coast near the northern shore of «Olyutora Sea» (Korf Bay). Here F. Popov and G. Ankudinov had died from scurvy, and remaining cossacks reached the current Rusakova River on boats, and then proceeded on feet to Elovka River, then to Tigil.

Keywords: Chukotka Peninsula, Dezhnyov's Cape, Anadyrsky Estuary, Anadyr River, Russkaya Spit, Geka Spit, Navarin Cape, Khatyrka, Opuka, Ukaelayat.

УДК 91(091) + 91(092)
ББК 26.8+26.891

ISBN 978–5-9610-0371-0

© Быкасов В. Е., 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семён Иванович Дежнёв – фигура в российской истории весьма значимая и примечательная. Значимая тем, что это именно ему, как официальному руководителю большого отряда из семи морских кочей, довелось открыть знаменитый пролив Аниан, отделяющий Азию от Северной Америки. А примечательная тем, что, долгие годы, исправно исполняя тяжкую царскую службу на вторых ролях, он сумел не только первым обогнуть восточный угол Азиатского материка и обнаружить реку Анадырь, но и основал в её среднем течении Анадырский острожек, до 1716 года бывший опорным пунктом освоения Чукотки и Камчатки. Вот отчего личность и деяния казака, после обнаружения академиком Г. Миллером в 1736 году его отписок и челобитных, постоянно привлекали внимание исследователей, из которых особо следует отметить М. И. Белова, А. В. Ефимова и Б. П. Полевого, внёсших самый весомый вклад в изучение жизни и деятельности С. Дежнёва.

Вместе с тем, в описании историками и краеведами деятельности С. Дежнёва имеются и явные «белые пятна», и откровенные ошибки. К примеру, используя одни и те же данные знаменитого землепроходца, его спутников и его современников, исследователи количество кочей экспедиции Дежнёва-Попова исчисляли от 3 до 7; общую численность их экипажей – от 90 до 105, 115 и даже до 250 человек; гибель части кочей (от двух до четырёх) его отряда приписывали к Шелагскому мысу, а выброс дежнёвских кочей привязывали и к южному берегу Анадырского лимана, и к окрестностям мыса Наварин, и к Олюторскому полуострову, и к реке Олютора, и даже к Камчатке.

В частности, в своё время известный отечественный историк А. В. Ефимов написал: *«Мы не знаем точного конечного пункта похода Дежнева 1648 г., известно только, что с юга на север до Анадыря он шёл*

в продолжение 10 недель. Такая большая длительность пути отнюдь не исключает возможности того, что Дежнев и сам был на Камчатке» [Ефимов, 1971, с. 86]. Хотя и сказал при этом, что точных данных по этому поводу не имеется. Как, кстати, нет документальных данных и о том – с юга на север или, наоборот, с севера на юг двигался отряд С. Дежнёва после крушения коча.

Зато достоверно известно, что более полувека спустя анадырские казаки 1500 вёрст от Анадырского острожка до реки Камчатка проходили за срок от 15 до 20 недель [Атлас географических открытий..., 1964, с. 28]. И это при том, что северную (материковую) часть данного пути они, как правило, преодолевали на оленях. Тогда как казаки С. Дежнёва 10 недель шли на лыжах, впрягшись в перегруженные нарты. И уже только поэтому гипотезы о выбросе коча С. Дежнёва далее 400–500 км к югу от горла Анадырского лимана вызывают сомнения. К тому же вряд ли казаки, проплыв до крушения своего коча вдоль тундрового побережья Анадырского залива, решились бы в начале зимы уйти из южных лесных территорий на безлесный север.

Всё это и побуждает к проведению тщательного ландшафтно-ситуационного анализа наиболее известных опубликованных архивных и литературных материалов о С. Дежнёве. С тем, чтобы, исходя из природных особенностей Северо-Востока Азиатского материка и прилегающих к нему морей, попробовать несколько иначе осветить некоторые перипетии из жизни и деятельности землепроходца.

ПРЕДЫСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

Обращение к предыстории представлений о проливе, соединяющем два океана, интересно уже хотя бы тем, что эта гипотеза своими корнями уходит к предположению греческих (Страбон), римских (Помпоний Мела) и византийских историков и географов о том, что Европа, Азия и Африка якобы омываются одним и тем же океаном [Магидович, Магидович, 1984].

Правда, во времена средневековья это представление в Европе было на время забыто. Во всяком случае, ни Джованни дель Плано Карпини, побывавший в ставке монголов в 1246 году; ни Гильом де Рубрук, побывавший там же в 1255 году; ни Марко Поло, живший в Китае в 1271–1295 годах, ничего не говорили о Северо-Востоке Азиатского материка. Хотя Марко Поло и упоминал о стране, в которой зимой темно, а у её жителей много пушнины [Азатьян и др., 1969, с. 240].

Тем не менее, арабские учёные, отталкиваясь от греческих и римских источников, вновь возродили представление о проливе, соединяющем Восточный океан с Западным. О чём позволяет судить извлечение, сделанное венецианским космографом Рамузием из трудов арабского географа Исмаила Абу ль Фида, жившего в 1273–1331 годах. На которое в отечественной исторической литературе впервые обратил внимание известный советский писатель С. Н. Марков в своей заметке «Известие о севере арабских географов XIV в.», напечатанной в «Летописи севера», М., 1949 г.» [Ефимов, 1950, с. 29].

И в самом деле, в переводе этого извлечения сообщается: *«Затем он (океан) берёт направление на восток пока не поравняется с пределами страны восточной, открытой. А там страна Китай. Затем он поворачивает у восточной части Китая в сторону севера. Затем он тянется на север у восточной части Китая, пока не минует Китая и не поравняется с преградой Яджуджа и Маджуджа. Затем он поворачивает, окружает земли, неведомые по своим обстоятельствам, и протягивается на запад; оказываясь к северу от земли, равняется со страной Русов, минует её, поворачивает на запад и на юг (на юго-запад), окружая землю, и оказывается уже в западной части...»* [Ефимов, 1950, с. 30].

То есть, как можно видеть, отчётливо высказанное предположение о существовании открытого водного пространства Северной Азии и Северной Европы, появилось у арабов ещё на рубеже XII–XIII веков. Да и двумя веками позже арабские географы и историки также нередко говорили о северной стране мрака, облаков и непроницаемой мглы (полярной ночи), расположенной за высокими горами страны Русов, где обитают легендарные Яджуджи и Маджуджи. Представления о которых, позаимствованные арабскими учёными из Корана, соответствуют столь же легендарным библейским Гогу и Магогу [Азатьян и др. 1969, с. 232]. Тогда как европейские географы к гипотезе о существовании пролива между Азией и Америкой вернулись лишь после Великих географических открытий.

И вот как, например, об этом высказался Л. С. Берг: *«Если мы взглянем на карту Азии в каком-либо из географических атласов конца XVI в. или всего XVII в., то увидим, что на месте нынешнего Берингова пролива между Азией и Америкой обычно нанесён Анианский пролив. Он сохранялся на некоторых картах вплоть до начала XIX в., когда уже хорошо был известен Берингов пролив.*

Впервые об Анианском проливе упоминает итальянский картограф Гастальди в 1562 г. В своей книге «La universale descrizione del mondo» он, ссылаясь на не дошедшую до нас карту мира, говорит, что Азия на востоке имеет свою границу Анианский пролив (il stretto detto Anian), далее граница идёт через залив Cheinan, море Mangi и т. д.

Из числа дошедших до нас карт, древнейшая, показывающая Анианский пролив, – это карта Северной Америки, изданная итальянским картографом Зальтерио в 1566 г. Здесь между северо-восточной Азией и северо-западной Америкой нанесён *Stretto di Anian*, а южнее уже известные нам залив Хейнан и море Манги.

Как попало на карты изображение пролива между Азией и Америки, пролива, обозначенного в том самом месте, где надлежит быть Берингову проливу? Можно ли предполагать, что в основе представлений об Анианском проливе лежат реальные данные, что кто-то из европейцев плывал в середине XVI в. в этих местах или соседних с ними?

На эти вопросы надо со всей категоричностью ответить: до Дежнева (1648) никто из европейцев в области Берингова пролива не плывал, а домысел о проливе между Азией и Америкой есть кабинетное измышление, случайно предвосхитившее истину. Что это так, тому служит доказательством происхождение слова «Аниан».

У Марко Поло в его «Путешествии», которое описывает странствования 1271–1295 гг., упоминается провинция *Anip*, расположенная в юго-восточной Азии на берегу уже знакомого нам залива *Cheinan*; этот же залив омывает берега вышеупомянутой провинции *Manzi* (или *Mangi*). Дадим толкования этих названий. Под Анином обычно понимают северный Анам, Хейнан – это имя острова Хайнань (Гайнан), Манзи, или Манги, есть одно из названий Южного Китая. Как видим, все перечисленные пункты расположены в юго-восточной Азии и никакого отношения к области Берингова пролива не имеют. Провинцию Анип на старинных картах приурочивали к разным местам. Так, на знаменитом глобусе Бегайма 1592 г. она находится между северным Китаем и Тибетом. И лишь беззаботному Гастальди пришла в голову идея поместить эту провинцию в северо-восточную Азию.

Теперь возникает вопрос, откуда взялся Анианский пролив? На одной из карт Гастальди 1561 г. на крайнем северо-востоке Азии написано *Ania pro[vincia]*, а на карте 1562 г. Азия, как мы говорили, на востоке имеет границею Анианский пролив. Нужно сказать, что и до

Гастальди старинные картографы изображали путь из северной Европы в Китай и Индию вокруг восточной Азии свободным. Таков он на портолане неизвестного автора 1502 г. из собрания Ами, в атласе Птоломея, изданном в 1513 г., и т. д.

Как только на картах Гастальди появился Анианский пролив, концепция эта сразу же встретила всеобщее признание. Мы находим этот пролив и в атласе Меркатора 1569 г., и Ортелия 1570 г., и на множестве других – вплоть до начала XIX в. В январе 1725 г., незадолго до смерти, Пётр Великий говорил генерал-адмиралу Апраксину: «Я вспомнил на сих днях то, о чём мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледоватое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенной путь, называемый Аниан, проложен не напрасно».

Некоторые учёные даже в XX в. тоже думали, что Анианский пролив был в своё время показан на карте «не напрасно». Высказывались предположения, не могли ли доставить сведения о Беринговом проливе испанские мореплаватели первой половины XVI в., когда из Мексики было отправлено несколько экспедиций на север Тихого океана. Но такая возможность совершенно исключена. Как мы говорили, Анианский пролив появился на картах впервые в 1562 г., а испанцы поднялись к северу до $41\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., т. е. почти на 25° южнее Берингова пролива, лишь в 1595 г.

Итак, Анианский пролив есть картографическая фантазия, результат домыслов итальянских картографов второй половины XVI в. Основано это заблуждение на плохо понятых данных Марко Поло о южном Китае» [Берг, 1962, с. 68–69].

То есть, как можно видеть, представление о проливе Аниан, соединяющем Северный Ледовитый и Тихий океаны возродилось в Европе в виде умозрительных предположений о существовании морского прохода между Азией и Америкой и отсюда о возможности осуществления плавания этим проливом от Северной Европы к Японии, Китаю и Индии. И, не исключено, что эта мысль о существовании пролива между Азией и Америкой была подсказана европейским географам в 1525 году послом великого князя Василия Ивановича в Ватикане

Дмитрием Герасимовым, который в беседе с Паоло Иовием – придворным литератором римского папы, о возможности плавания Ледовитым океаном в Китай говорил: *«Море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какая-либо земля»* [Азатъян и др., 1969, с. 377]. К тому же Д. Герасимов, совместно с известным итальянским картографом Б. Агнезе, поучаствовал в составлении карты, на которой свободное водное пространство Северного океана протягивается от реки Северная Двина до, предположительно, полуострова Таймыр [там же, с. 378].

Другое дело, что сам Д. Герасимов ничего не говорил о проливе под названием «Аниан». И не говорил потому, что это название и понятие возникли в европейской картографии лишь 30 лет спустя.

Напоминать же обо всём этом приходится потому, что известный своими экстравагантными представлениями по поводу возникновения географических названий Дальнего Востока (той же Камчатки, например, от имени чукотской реки Канчалан) филолог А. А. Бурякин, уверял, что: *«Если считать, что часть сведений о Восточной Арктике почерпнута западноевропейскими географами из русских документальных свидетельств и карт, и отдавать безусловный приоритет русским источникам, то в отношении появления названия пролива Аниан в европейской картографии напрашивается предположение, что название Аниан представляет собой искажённое в передаче латинскими буквами название Северного Ледовитого океана «АКИАНЪ» – «Океан», принятое на русских картах вплоть до первой трети XVIII века. Начертания букв К и Н в некоторых кириллических шрифтах XVI–XVII вв. очень сходны с начертаниями латинского N, и латинская буква N иногда заменяла русскую букву К при транслитерации русских названий на европейских картах – так, на карте Витсена 1687 г. название реки Камчатка записано как Kamtscheta. Поэтому весьма возможно, что перед нами ошибочное прочтение названия на одном из русских «чертежей», принадлежащее кому-либо из западноевропейских географов или картографов. Тогда стано-*

вится понятным, почему название Аниан никогда не встречается на русских картах, а в соответствующем месте на них имеется вполне понятное для русского картографа и пользователя надпись «АКИ-АНЬ». Этим же может объясняться и различное содержание, вкладываемое в название Аниан разными европейскими картографами» [Бурыкин, 2013, с. 209–210].

Вообще-то на это сходство в написании русских и латинских букв обращали внимание и другие исследователи – в том числе и я. Но никто, насколько мне известно, не торопился увязать это сходство с происхождением названия Аниан. Ибо, как было показано выше, представление о заливе Аниан, как и само это слово, появились задолго до создания первых русских чертежей Северо-Востока Азии.

И действительно, ни выход отряда Ивана Москвитина в 1639 году на берег Охотского моря, ни плавание С. Дежнёва в 1648 году вокруг Чукотки европейским географам долгое время были неизвестны, а чертежи самих землепроходцев бесследно затерялись ещё в первые десятилетия после их создания.

Что же касается европейских мореплавателей, то до плавания Дж. Кука в 1778 году к проливу Беринга европейские моряки вдоль западного и восточного берегов Тихого океана выше 45° с. ш. не поднимались.

Например, в 1536 году три судна испанца Кортеса достигли всего лишь Калифорнии. В 1542 году португалец Хуан Родригес Кабрильо, отправившись по заданию испанского короля вдоль западного берега Северной Америки, доплыл до мыса Мендосино, расположенного на широте 44° с.ш. И даже в 1580 году знаменитый пират – сэр Френсис Дрейк, следуя вдоль юго-восточного берега Северной Америки, севернее полуострова Флорида так и не побывал.

Правда, позднее предводители некоторых морских экспедиций, побывавших в умеренной зоне северной половины Тихого океана, утверждали, что они якобы достигли пролива, отделяющего Америку от Азии. Как, например, это сделал испанский мореплаватель Мальдонадо после своего плавания в 1588 году.

В 1643 году голландец Мартин Герритсон де Фриз, пройдя на судне «Кастритикум» вдоль восточного берега острова Хоккайдо к южному

берегу острова Кунашир [Полевой, 1982, с. 28], проследовал от него мимо острова Итуруп к острову Уруп. Посчитав этот остров частью западного берега Северной Америки и назвал его «Землёй Компании» [там же, с. 29]. А спустя ещё полвека европейские исследователи считали, что в 1690 году португальский мореход де Гама открыл скандально знаменитую землю Жуана де Гамы, якобы преграждавшую путь к заливу Аниан. Хотя это были лишь попытки выдать желаемое за действительность.

Тем не менее, некоторые зарубежные исследователи, опираясь на эти домыслы и на данные мореплавателей об опасности и трудностях плавания в высоких широтах Тихого океана, пытались убедить учёный мир в том, что С. Дежнёв не мог плавать Беринговым проливом. И остаётся лишь только удивляться, что наиболее одиозные из них не приписали открытие Аляски и Северо-Западной Америки западно-европейским мореплавателям и путешественникам. Хотя, кто знает, может и пытались. Ведь и до сих пор находятся желающие убедить окружающих в том, что наша Земля – это плоский диск, плавающий в океане.

НАЧАЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ И ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ С. ДЕЖНЁВА

Вполне очевидно, что разговор о делах и службах С. Дежнёва следует начать с анализа самых первых событий из его жизни. С тем, чтобы стало понятнее, почему именно ему была поручена задача по исследованию самой восточной оконечности России. Задача, которую он, несмотря на буквально немислимые препоны, не только выполнил, но и сумел донести свои достижения миру. Другое дело, что его первичные данные были забыты почти на 90 лет. Однако в чём в чём, но уж в этом его вины не было.

Что же касается биографии С. Дежнёва, то, как считал Н. Н. Зубов, он был родом из крестьян Великого Устюга [Зубов, 1954, с. 37]. Такого же мнения придерживался и Л. С. Берг [1962, с. 70]. Однако другой известный отечественный историк М. И. Белов говорил, что первооткрыватель Берингова пролива был родом из вольных работных людей Волокопинежской волости Двинского уезда [1973, с. 52]. А несколько позднее В. А. Авдеев с соавторами уверяли, что родился С. Дежнёв в крестьянской семье, проживающей в деревне Осиновской Волокопинежской волости [1982, с. 53].

В 1630 году из вольных людей Тотьмы, Великого Устюга, Вологды, Сольвычегодска и той же Пинеги набрали для службы казаками в Сибири 500 мужчин. Из них 150 человек, в том числе и С. Дежнёв, были направлены в Тобольск [Белов, 1973, с. 54]. Оттуда С. Дежнёв был переведён в Енисейск. И лишь в 1636 году он, в составе отряда

енисейских казаков Посника Иванова (Губаря), был послан на Лену и на другие «сторонние реки» для сбора ясака [Белов, 1973, с. 41]. С этого момента и начинаются расхождения в описаниях жизни и деятельности С. Дежнёва на Лене, Яне, Индигирки и Колыме.

И в самом деле, в первый свой поход из Якутска С. Дежнёв отправился в составе отряда Посника Иванова. Однако в каком году это произошло единого мнения не обнаруживается. Например, Н. Н. Зубов [1954, с. 37] и Л. С. Берг [1962, с. 70] считали, что С. Дежнёв, которому на тот момент было около 30 лет, в Якутске оказался в 1638 году. Тогда как авторы коллективной монографии «История открытия и исследования советской Азии» уверяли, что: «...из Якутска сухим путём туда (на Яну – В. Б.) направилась в 1635 году экспедиция Посника Иванова» [Азатьян и др., 1969, с. 270].

Впрочем, скорее всего, в этом последнем случае произошла досадная ошибка (опечатка?) в дате, так как М. И. Белов, один из авторов данного исследования, считал, что С. Дежнёв и другие казаки отряда Посника Иванова (в котором, кстати, числились Дмитрий Михайлович Зырян и Фёдор Чукичев) в свой первый поход из Якутска на реку Яну отправились «коньми» в 1636 году [1955, с. 23].

Что же касается самого похода, то казаки, перейдя через Алданские горы и Верхоянский хребет, сперва вышли к верховью реки Яны, где они поставили Верхоянское зимовье и собирали ясак с местных жителей. А затем, не позднее ноября 1637 года, ушли на Индигирку, основав там Подшивверское зимовье [Белов, 1955, с. 23]. Откуда они в середине апреля 1638 года вернулись в Якутск [Белов, 1955, с. 55].

Кстати, как уверял М. И. Белов, именно во время пребывания на Индигирке до землепроходцев дошли первые слухи не только о реках Алазея и Колыма, но и о реке Погыча. То есть, о той реке, о которой М. Стадухин в 1647 году говорил: «Посланы мы, служилые люди, Михайло Стадухин с товарищи, на государственную службу на новую реку Погычу и на Анадырь та же река» [Белов, 1955, с. 55]. Так что впервые о реке Анадырь, которую открыл С. Дежнёв, русские узнали ещё за 11 лет до его похода.

Сразу же по возвращению с Яны и Индигирки, С. Дежнёв, по мнению М. И. Белова, попросил отпустить его с группой других казаков

на государеву службу либо в Яульскую, либо в Нерингийскую волости [Белов, 1973, с. 57].

Состоялся ли этот поход или нет – точно не известно. Зато известно, что С. Дежнёв, судя по данным «покупочной книги» атамана Ивана Галкина, до 12 июня 1638 года находился в Якутске [Белов, 1973, с. 54]. То есть, во втором походе Посника Иванова он участия не принимал.

И в самом деле, в этот свой поход Посник Иванов отправился из Якутска 25 апреля 1638 года во главе большой группы енисейских и красноярских казаков, о чём якутские воеводы сказали: *«И Посничко, государь, с товарищи в роспросе нам холопом твоим сказал: в прошлом де, государь, во 146 году, апреля в 25 день, пошёл он Посничко со служивыми людьми из Якутского острогу на Янгу реку, с 30 человек, коньми и шол через Камень до Янги реки и по Янге реке вниз до Якутских людей четыре недели, а на вершине, государь, Янги реки живут Тунгусы, именем Ламутки»* [Отписка Ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова..., 1846, с. 241–242].

Однако Н. И. Никитин по этому же поводу высказался несколько иначе: *«Длительный конный поход «через хребет» совершил во главе отряда в 30 человек в 1638 году служилый Посник Иванов. Снарядившись «с товарищи» за свой счёт, он сначала вышел на Яну, где основал зимовье (будущий Верхоянск), а на следующий год добрались и до Индигирки. Там в наскоро срубленном зимовье (названном впоследствии Зашиверским), русские выдержали «крепкий бой» с юкагирами, нанесли им поражение и взяли ясак»* [1987, с. 32]. В том смысле – иначе, что он, приписав строительство Верхоянского и Зашиверского зимовий к 1638 и 1639 годам, соответственно, объединил два разных похода Посника Иванова в один.

Впрочем, точно также считал и Ф. Г. Сафронов, согласно которому Посник Иванов основал Верхоянское зимовье на лугу Боронук, расположенном на левом берегу реки Яна напротив современного Верхоянска в 1638 году [Сафронов, 1978, с. 20]. То есть, во время второго похода казака. Хотя на самом деле это произошло двумя годами ранее.

Летом 1639 года Посник Иванов вернулся в Якутск, откуда осенью этого же года он вновь был отправлен на Индигирку, о чём служи-

лый человек Федька Олексеев сын Чюкичев, участник этого похода, сказал: *«В прошлом де во 147 году из Ленского якутцкого острогу атаман Иван Галкин посылал их, служилых людей Посничка Иванова сына Губаря и ево, Федьку, с товарищи, всех 27 человек, в новые в немирные землицы через горы на Индигирку, а Собачья тож. А шли де они через Янгу реку до той Индигирки 9 недель...»*

И жили де они, служилые люди, на той на Индигирки реки 3 годы и с тех юкагирей и с шоронбоев на государя ясак под аманатов имали и отсылали в Ленский острог» [Распросные речи служилых людей Нехорошко Колобова..., 1951, с. 142–143].

Практически то же самое говорили и якутские воеводы Пётр Головин и Матвей Глебов: *«И в прошлом де, государь во 147 году (в 1649 – В. Б), он Посничко с 27 человеки пошли коньми с Янги вверх по Толстаку реке на Индигерскую реку в Юкагирскую землицу, и шол де, государь, он по Толстаку и через хребты до Индигерской вершины, многими неясачными Тунгусами Ламутками, а на Индигерской реке вниз до Юкагирской землице, четыре недели»* [Отписка Ленских воевод..., 1846, с. 241–242]. Так что это действительно был третий и последний поход Посника Иванова. Из которого он вернулся в 1641 году.

Таким образом, за период от 1636 года и по 1641 год Посник Иванов совершил три похода. Однако авторы уже упоминаемой монографии «История открытия и исследования советской Азии» считали, что он осуществил всего лишь один поход на реки Яна и Индигирка длительностью в несколько лет [Азатьян и др., 1969, с. 270].

Точно такое же мнение высказали и Д. М. Лебедев с В.А Есаковым: *«Выдающийся сухопутный поход на конях предприняли казаки в 1636–1641 годах под командой Посника Иванова (Губаря). Они пересекли Алданские горы, Верхоянский хребет и вышли на реки Яну и Индигирку»* [Лебедев, Есаков, 1971, с. 105].

Да и многим позднее А. С. Зуев также говорил, что Посник Иванов ходил на Индигирку и Алазею только один раз в 1638–1639 годах. Хотя и отметил при этом, что большинство исследователей придерживаются мнения о том, что этот единственный поход начался в 1636 году [2002, с. 186].

Впрочем, чуть ниже А. С. Зуев добавил, что, по мнению М. И. Белова, Посник Иванов на Яну и Индигирку ходил дважды – в 1637–1638 и в 1638–1639 годах [там же, с. 186]. Не обратив внимания на мнение М. И. Белова о том, что в 1639 году Посник Иванов на реку Индигирка ушёл в свой третий поход [Белов, 1973, с. 59]. Как, не обратил он внимания и на то, что Посник Иванов на реке Алазея никогда не был.

То есть, как можно видеть, ситуация с численностью походов Посника Иванова действительно не имеет однозначного истолкования. И всё же я склоняюсь к тому, что таковых походов было три.

Что же касается С. Дежнёва, то о его деятельности с середины июня 1638 года и по начала 1640 года известий нет. И лишь в марте 1640 года, когда он проходил свидетелем по делу о злоупотреблении служебным положением якутского приказного Парфёна Ходырева [Белов, 1973, с. 56], его имя вновь появляется в исторических хрониках.

23 августа 1640 года, С. Дежнёв, по поручению нового якутского приказного – **Ивана** Галкина (здесь и далее выделено мною – В. Б.), был направлен на реки Амга и Тага для примирения якутов Батурусской и Мегинской волостей. О чём в «Наказной памяти атамана **Осипа** Галкина ленским служилым людям Богдану Артемьеву Сорокоумову, Лаврентию Тимофееву Губарю, Семёну Иванову Дежнёву о поездке их на реки Амгу и Тату» от 23 августа 1640 года сказано: *«И вам, служилым людям, Богдашку Сорокоумову с товарищи, приехав к тем Огеевым детям, к Каптаканку з братьею, и про тот скот у них опрошать и сторонними якуты допряма допросить»* [Наказная память атамана **Осипа** Галкина..., 1989, с. 25].

Кстати, выделение имени приказного Галкина потребовалось потому, что вопреки приведённому в названии «Наказной памяти...» имени **Осип**, а также свидетельству М. И. Белова [1973, с. 57, с. 213], настоящее имя Галкина было **Иван**. Что и отметил (см. выше) Ф. Чюкичев. Да и сам М. И. Белов в своей книге «Подвиг Семёна Дежнева» [1973, с. 54] также называл Галкина **Иваном**. Так что вряд ли в Якутске приказчиками в одно и то же время побывали разные – Иван и Осип – Галкины.

Что же касается примирения якутов, то в наказе Ивана Галкина предписывалось: *«А самим им служилым людем, ездичи дорогою, у иноземцов ничево не покупать и с ними не торговать, а иноземцом обид и насильства не чинить, никоторово дурна не творить, и к ним, иноземцам, напрасно не приметываться»* [Наказная память атамана..., 1989, с. 25]. Причём поскольку первым (не по алфавиту) в списке исполнителей наказа был назван Богдан Сорокоумов, то, надо полагать, именно он был главой этой группы казаков.

Однако М. И. Белов, преувеличивая (из личной симпатии) значимость С. Дежнёва в этом примирении, написал: *«Поэтому Галкин наказывал Дежнёву «разделить их (якутов – М. Б.) без порчи, без драки. Лишь в крайнем случае Дежнёв должен был применить силу»* [Белов, 1973, с. 57]. И далее продолжил: *«В этом небольшом эпизоде мы видим Дежнева в весьма необычной для казака роли примирителя племён. Забегая несколько вперёд, скажем, что ему и в дальнейшем приходилось неоднократно выступать в этой роли и каждый раз его настойчивый и волевой характер побеждал»* [там же, с. 57].

После возвращения из этого похода 13 сентября 1640 года, С. Дежнёв в ноябре 1640 года был послан тем же Иваном Галкиным (и уже во главе группы казаков) за сбором ясака с якутов тойона Сахей Отнакова [Белов, 1973, с. 58].

Вернувшись с собранным ясаком в Якутск, С. Дежнёв застал там письменного голову Василия Даниловича Пояркова, присланного первыми якутскими воеводами наперёд, на смену Ивану Галкину [Белов, 1973, с. 58]. При этом, в намерении основательнее освоить приобретённые земли воеводы П. П. Головин и М. Б. Глебов попробовали оставить тобольских и енисейских казаков для службы в Якутском воеводстве. И с этой целью призвали их (через того же В. Пояркова) поверстаться (записаться) в якутские казаки. О чём сами казаки своей челобитной говорили: *«В нынешнем, государь, во 148 (1640 – В. Б.) году по твоему государеву указу и по приказу стольников и воеводы Петра Петровича Головина, да Матвея Богдановича Глебова, да дьяка Еуфимия Филатова велено нам, холопам твоим, быть на Лене реке и служить твоя государева служба в Ленском острожке, а твоего*

государева денежного жалования велено нам, холопам твоим, дать по полуокладу, по два рубли с полтиною. Милосердный государь, царь и великий князь(ь) Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам дать из своей царской казны своего государева денежного жалованья енисейской присылки ил(и)... неких доходов, годового полному окладу по пяти рублей человеку, чтоб нам, холопом твоим, было в чем платьишко и обувь купить в чем бы была твоя государева служба служить, покамест из Ле(нского) острожку торговые и промышленные люди не разбредутца [Челобитная царю Михаилу Фёдоровичу..., 1989, с. 24].

Выполняя этот наказ, якутский письменный голова Василий Поярков объявил о наборе 15 енисейских казаков, с тем, чтобы немедленно отправить их на реку Яна [Белов, 1955, с. 36; Белов, 1973, с. 59]. И в числе этих 15 казаков, отосланных в конце 1640 года во главе с Д. Зыряном на реку Яна, был и С. Дежнёв.

Однако Л. С. Берг считал, что в 1640 году С. Дежнёв якобы был послан в верховье реки Яна для самостоятельного сбора ясака [Берг, 1962, с. 70]. Что явно противоречит реальному ходу событий.

И в самом деле, в конце декабря 1640 года отряд Д. Зыряна ушёл на Яну [Белов, 1955, с. 132; Белов, 1973, с. 59]. Откуда Д. Зырян весной 1641 года отправил С. Дежнёва с тремя казаками с собранным ясаком в Якутск [Белов, 1973, с. 59]. Во время которого казакам пришлось выдержать тяжёлый бой с напавшими на них ламутами, причём сам С. Дежнёв был дважды ранен [там же, с. 59]. Летом 1641 года в Верхоянском зимовье, появилась группа промышленных людей Лаврентия Григорьева [Белов, 1655, с. 59; Белов, 1873, с. 65]. А потому Д. Зырян этим же летом ушёл на Индигирку, где он сменил Посника Иванова. При этом часть его людей отправилась в Якутск вместе с Посником Ивановым, а часть людей Посника Иванова, в том числе и Ф. Чюкичев, перешла в его отряд.

Перезимовав на Индигирке, казаки Д. Зыряна построили два коча и летом 1642 года отправились на них к морю. О чём Ф. Чюкичев позднее сказал: *«И в прошлом же де во 149 году пришед на ту Индигирку реку на перемену. И они, служилые люди, и с ними Митька*

Ярилков, 15 человек, зделав на той на Индигирки реки 2 коча, и пошли на тех кочах вниз тою Индигирскою рекою до моря и шли 2 недели, и с усть де Индигирки реки к востоку бежали по тому морю парусом до усть Алазей реки вверх парусом и собою (на вёслах – В.Б.) до Юкагирского князца Ноогичай полтретьи дни» [Распросные речи служилых людей Нехорошко Колобова..., 1951, с. 142–143].

Решив остаться на зимовку на Алазее, Д. Зырян отправил Ф. Чюкичева с собранным ясаком морем в Якутск. На этом пути Ф. Чюкичев зашёл в устье реки Индигирка и встретился там М. Стадухиным, приплывшем сюда с Оймякона. И М. Стадучин, узнав от Чюкичева о реке Алазая, решил зиму провести на этой реке.

Впрочем, речь об этом пойдёт ниже. А пока я вернусь к С. Дежнёву, который, пребывая в конце лета 1641 года в Якутске, в очередной раз выразил желание возвратиться в Енисейск. Однако М. Стадучин, который также происходил из пинежских вольных людей, уговорил его принять участие в своём походе на реку Оймякон, о чём в челобитной Михаила Стадучина и Семёна Дежнёва было сказано: *«В прошлом, государь, во 149-м году, посланы мы, холопи твои государевы, из Ленского на твою государеву службу на Оемокон реку к твоим государевым ясачным людям, к якутом и к мемельским тунгусом, и аломунскому тунгусу Чюне для ради твоего государева ясаиноного сбору; и божиею милостью и государевым счастьем с тех якутов и с мемельских тунгусов ясак твой государев на нынешний на 150 год взяли весь и сполна с прибылью...»* [Из челобитной ленских служилых людей Михаила Стадучина и Семёна Дежнёва с товарищи, 1989, с. 28].

То есть, в 1641–1642 годах С. Дежнёв в составе отряда М. Стадучина пребывал на Оймяконе. Однако Л. С. Берг считал, что в 1642 году С. Дежнёв, будучи на Оймяконе, во время нападения на его небольшой отряд немирных тунгусов был дважды ранен [Берг, 1962, с. 70]. И тем самым он именно С. Дежнёву, а не М. Стадучину приписал роль предводителя похода на Оймякон. Судить о чём позволяет и другое суждение Л. С. Берга, в котором он утверждал, что вскоре Дежнёв с 12 казаками сплавился по Индигирке к морю [Берг,

1962, с. 70]. И надо полагать, что пришёл он к таковым выводам, исходя из следующих данных самого С. Дежнёва: *«В прошлом, государь, году, как наехал в Ленский острог твой государев стольник и воевода Пётр Петрович Головин, и послал меня, холопа твоего, на твою государеву службу на Емокон реку. И с Емокона переиёл я, холоп твой, на Ковыму реку морем. И на Ковыме реке взял я, холоп твой, аманатов и под те аманаты родственники их дают тебе, государю, ясак и по се число, и то место прочно и постоянно»* [Челобитная царю Алексею Михайловичу..., 1989, с. 35].

Однако, скорее всего, С. Дежнёв в этом случае за давностью лет несколько исказил ситуацию, ибо на Оймяконе он пребывал в составе небольшого отряда М. Стадухина [Белов, 1973, с. 62]. Причём вместе с ним в этом же отряде служил и Втор Гаврилов, который, скажу, несколько забегая наперёд, будучи в 1647 году приказным Нижне-Колымского острога, поставил С. Дежнёва во главе сводного морского отряда Ф. Попова, направляющегося на поиск реки Анадырь.

Ошибка в дате начала похода на Оймякон совершил и М. И. Белов, посчитав, что *«Отряд вышел из Якутска на Оймякон, очевидно, в августе 1641 года»* [1673, с. 62]. Ибо участник этих событий Андрей Горелый говорил: *«В прошлом де во 150-м году (в 1641 – В. Б.) из Ленского якутцкого острогу стольник и воеводы Пётр Головин с товарищи посылали их, служилых людей, Михалка Васильева Стадухина и ево, Ондрюшку, с товарищи, всех 15 человек, через горы коньми на Омокон реку, а Собачья тож. А шли де они через Алдан реку до той Омокона реки 9 недель и на той де Омоконе реки зимовье поставили, и на Омоконе де реки на государя ясак с якутов, которые с Лены реки сходили и жили на той Омоконе реки на вершинах, взяли»* [Распросные речи служилых людей Нехорошко Колобова..., 1851, с. 141].

Об осени 1641 года, как о начале похода, продолжавшемся 9 недель, говорил и Б. П. Полевой [Полевой, 1997а, с. 16]. Так что С. Дежнёв в составе отряда М. Стадухина появился на реке Оймякон в самом конце 1641 года.

Столь же запутанной выглядит и ситуация с походами Андрея Горелого на реку Охота. Именно с походами, так как таковых походов было два.

И действительно, сам А. Горелый об этом сказал: *«И с той де Омокона реки тот Михалко Стадухин посылал ево, Ондрюшку, с товарищи с служилыми ж людьми, которые тут наперёд их были, с осмьнатцатью человеки, да с ними ж якутов человек з 20 коньми ж чрез горы на Охоту реки на вершины для тунгусов ламутцких мужиков. И на той де реке Охоте на вершине тех они тунгусов ламутцких мужиков сошли... А тех де тунгусов ламутцких по той Охоте реки вниз к морю кочуют многие люди оленные, а ходят на тех оленях аргишами, и дороги у них учинены большие, пробойные, и они по тем аргишским дорогам ходили вниз той Охоты реки к морю.*

А по той де Охоте реке соболя и всякого зверя много и реки рыбные, через они тою реку на лошадях бродили, и едва лошади в той рыбе перебрели. А река быстрая, и тою де быстредью рыбы убивает и на берег выметывает, и по берегу той рыбы, что дров лежит. А у тех де ламутцких мужиков по той реке юрты сидячие, как есть большие русские посады. А запасы у них все рыбные, сушёная юкола в рыбных же мешках и рыбная икра. А того де запаса у них запасают много, что русские хлебные амбары з запасы, так у них той пасёной рыбы по юртам много.

А ходили де они на ту Охоту реку с Омокона реки и назад шли до Омокона всего 5 недель...» [Распросные речи служилых людей Нехорошко Колобова..., 1851, с. 141–142].

То есть, в этом свидетельстве явно говорится о походе, состоявшемся в середине лета 1642 года. С чем исследователи, например, Д. М. Лебедев с В. А. Есаковым [1971, с. 106–107], и соглашались. Другое дело, что они, как и многие другие историки, посчитали, что это был единственный поход А. Горелого на реку Охота.

Однако вот что о событиях на реке Оймякон говорил М. И. Белов: *«В апреле положение неожиданно осложнилось. «Пришли, – писали казаки, – ламутские тунгусы (Охотские тунгусы. Река Охота тогда называлась Ламой – М.Б.), в ночи войною и казачьих коней побыли и якутских кобыл побили же...»* [1955, с. 38; 1973, с. 62]. И тут же, в следующем абзаце добавил: *«Дело в том, что осенью 1641 года Михаил Стадухин отправил несколько казаков, возможно, в том числе,*

и Семёна Дежнёва, во главе с Андреем Горелым в поход с Оймякона на «Ламунские вершины», во время которого был захвачен в плен охотский князец Чюна» [1955, с. 38; 1973, с. 62]. Но так как нападение ламутов в апреле 1642 года было вызвано их желанием освободить своего тойона, попавшего в плен во время похода А. Горелого в конце 1641 года на верховье реки Охота, то оно явно произошло после и в результате первого похода А. Горелого.

А затем, М. И. Белов написал: «Андрей Горелый побывал на Охоте и одним из первых ленских казаков доставил в Якутск сведения об этой реке, о которой заявил, что она «пала в море». Отряд Горелого немного не дошёл до устья Охоты и был всего лишь в трёх днях езды от отряда Ивана Юрьевича Москвитина, но их соединению помешали ламунские тунгусы [69]. Горелый вернулся на Омолон к апрелю 1642 года, преследуемый охотскими тунгусами, родичами князя Чюны, пытавшимися освободить своего вождя. Однако отряд Стадухина разбил охотских тунгусов, и Чюна остался у русских» [1955, с. 38; 1973, с. 62]. То есть, в данном случае он явно говорил о втором – летнем, походе А. Горелова. Другое дело, что историк при этом не заметил, что в трёх днях от устья Охоты А. Горелый был летом 1642 года – то есть, уже после снятия осады. А потому преследовать его отряд ради освобождения Чюна во время этого второго похода ламуты просто не могли.

И уж совсем непонятным выглядит предположение М. И. Белова о несостоявшейся встрече отрядов И. Москвитина и А. Горелова. Ибо И. Москвитин в устье реки Охота побывал в октябре 1639 года, после чего вернулся на реку Улья. Летом 1640 года он плывал до Амурского лимана. А летом 1641 года прибыл в Якутск, где и мог встретиться с людьми М. Стадухина, собирающимися в поход на Оймякон.

Несколько иначе описывал поход А. Горелого Б. П. Полевой. То есть, поначалу он тоже говорил [Полевой, 1997а, с. 16–17], что в конце 1641 года А. Горелый ушёл в верховье реки Охота, откуда он привёз в качестве аманата тунгусского князца Чону (так в авторском тексте, хотя в челобитной М. Стадухина и С. Дежнёва написано Чюна – В. Б.). И добавил, что М. Стадухин, узнав из расспросов Чоны (Чюны)

о реке Охота и её богатстве соболем и рыбой, задумал произвести разведку этой реки [там же, с. 17]. Так что когда казаки, с помощью якутов и ламутов, отбили длительную (в несколько недель) осаду своего острожка, то М. Стадухин, поставив А. Горелого во главе отряда из 17 томичей из отряда Третьяка Карпова и 20 оймяконских якутов, отправил этот сводный отряд на Охоту [там же, с. 17].

Однако далее в изложении Б. П. Полевым произошла «перестановка слагаемых», когда он сперва написал: *«Только пять недель продолжался поход. Но сколько поразительного смогли увидеть томичи и якуты на реке Охоте. Пришли они на Охоту в период нереста, когда рыба шла вверх по реке сплошной массой»* [1997а, с. 17]. И через абзац, добавил: *«Якуты (на самом деле, ламуты – В. Б.) не захотели подпускать русских к своим жилищам. До Охотского моря оставалось три дня пути, однако отряд Андрея Горелого был вынужден повернуть назад»* [там же с. 17]. Из чего однозначно следует, что Б. П. Полевой в данном случае действительно говорил о втором походе отряда А. Горелого летом 1642 года.

Однако в следующем абзаце он вдруг написал: *«А 7 апреля зимовье Стадухина неожиданно окружили эвены и потребовали выдачи Чоны (так в авторском тексте – В. Б.). Несколько недель сидели Стадухин и его товарищи в осаде, жестоко голодали, но зимовье не сдали и Чону не отпустили. Более того, они не раз сами ночами выходили на вылазки. Во время этих столкновений дважды был ранен Семен Дежнев. В конце концов эвены не выдержали и сняли осаду»* [Полевой, 1997а, с. 17–18]. То есть, разместив этот абзац текст позади, а не впереди двух вышеприведённых высказываний, Б. П. Полевой невольно исказил хронологию событий, ибо на самом деле ламуты, желая освободить Чону, держали осаду в течении нескольких недель до начала летнего похода, а не после.

Ну и, наконец, вот что о походах А. Горелого говорил А. С. Зувев: *«Зимой 1641/42 г. Стадухин с Оймякона отправил к востоку в «Ламуцкие вершины» на разведку небольшой отряд (18 казаков и 20 якутов) под командованием якутского казака Андрея Горелого. Горелый в долине (по долине – В. Б.) р. Куйсун вышел на р. Охоту, по ко-*

торой немного не дошёл до моря. На Охоте Горелый взял в аманаты ламутского князца Чюну и вернулся на Оймякон к Стадухину. Вслед за ним, 7 апреля 1642 г., к стадухинскому лагерю явились соплеменники аманата – «сот с пять и больши» – и «учинили бой». Помощь русским оказали оймяконские якуты и тунгусы. В сражении погибли один казак, 5 ясачных (якутов – В.Б.) и 10 ламутов» [Зуев, 2002, с. 191]. То есть, он не заметил, что в зиму 1641–1642 годов А. Горелый на «Ламуцкие вершины» (на верховья реки Охота) ходил с небольшим отрядом, тогда как с большим (17 казаков и 20 ламутов) отрядом казак прошёл почти по всей долине реки Охота летом 1642 года.

В целом же всё изложенное свидетельствует о том, что на самом деле А. Горелый совершил два похода – в конце 1641 года на «Ламунские вершины» и летом 1642 года – на саму реку Охота.

Что же касается дальнейших событий, то в своей челобитной от 9 мая 1642 года М. Стадухин и С. Дежнёв сказали: *«А в Емоконе реке рыбы нет, ни зверя по Емокону нет, а отнюдь на Емоконе реке жить служивым людям не мошно, кормица, жить нечем, людей по той реке нет нигде, а ламутские тунгусы ходят мимо, а не живут на той реке»* [Полевой, 1997а, с. 18]. То есть, природные ресурсы и условия жизни настолько не устраивали М. Стадухина, что он, узнав от якута Ува *«...что де есть река большая Мома, а на той реке де реке живут многие люди, а тот Емокон пал устьем в ту Мому»* [Из челобитной ленских служилых людей..., 1989, с. 29]. решил уйти с этого места. Причём, ради обоснования и оправдания этого своего решения, он отправил (с оймяконскими якутами) соответствующую челобитную якутским воеводам. После чего, оставив на Оймяконе томских казаков, он со своим небольшим отрядом сплавился по Индигирке к морю.

Кстати, в этом случае либо ошибся якут Ува, когда он сказал, что Оймякон впадает в реку Мома, а не в Индигирку; либо оговорился сам М. Стадухин, назвав Индигирку Момой, либо дьяк, записывая речь М. Стадухина, искажил его данные. А кстати потому, что Б. П. Полевой, говоря об этом, написал: *«Мома не оправдала надежд отважного казака. И он решил плыть по ней до реки «Собачьей» – до*

Индиگیرки. Этим своим плаванием Стадухин первым из русских открыл новую дорогу на Индиگیرку. До этого русские ходили туда либо морем, либо посуху с реки Яны» [1997а, с. 18–19].

Однако на самом деле река Оймякон впадает в Индиگیرку многим выше реки Мома. А потому сплавиться по Оймякону к реке Мома, а, затем, по ней – к Индиگیرке, стадухинцы никак не могли. Так что в этом случае Б. П. Полевой, по невнимательности, совершил сразу две – географическую и историческую – ошибки.

Доплыв по Индиگیرке до Зашиверского зимовья, М. Стадухин узнал от находящихся там промышленных людей Лаврентия Григорьева, что здесь уже несколько лет подряд собирали ясак другие отряды казаков. А потому он и решил уплыть на знакомую ему по слухам Колыму. Однако оказавшийся в это время на устье Индиگیرки Ф. Чукичев, возвращающийся в Якутск с ясаком, рассказал М. Стадухину (см. выше), что люди Д. Зыряна обосновались на зиму на реке Алазея. А потому М. Стадухин решил отправиться на эту новую реку.

Но прежде чем это сделать, он отправил А. Горелого (на коче Ф. Чукичева) с поручением отвезти в Якутск собранный на Оймяконе ясак и ламутского князца Чюну. А сам, вместе с некоторыми промышленными людьми и казаком Семёном Мотора, отплыл к Алазее [Полевой, 1997а, с. 19]. И там, неподалёку от её устья, поставил своё зимовье.

Однако Л. С. Берг почему-то посчитал, что летом 1642 по реке Индиگیرка к морю сплавился не М. Стадухин, а С. Дежнёв с 12 казаками, который затем сушей достиг реки Алазея [Берг, 1962, с. 70]. И добавил, что с Алазеи С. Дежнёв перешёл по суше на Колыму, где встретился с М. Стадухиным, основавшем в 1644 году Нижне-Колымское зимовье [там же, с. 70]. То есть, по его представлению, С. Дежнёв в 1641–1644 годах на Оймякон, Индиگیرку, Алазею и Колыму якобы ходил во главе отдельного отряда.

Не совсем точен был в описании всего этого и Н. И. Никитин, сказавший, что «В 1641 г. казачий десятник Михаил Стадухин, снарядив за свой счёт отряд служилых и промышленных людей, пошёл с верховьев Индиگیرки на коче до её устья, а далее морем доплыл до Колымы

и закрепил её присоединение постройкой опорного пункта для новых походов» [Никитин, 1990, с. 37]. Ибо он при этом не только опустил данные о пребывании отряда М. Стадухина в 1641–1643 годах на Оймьяконе и Алазее, но ещё и умолчал о том, что М. Стадухин на Колыме появился вместе с Д. Зыряном. И тем самым приписал строительство первого колымского зимовья одному М. Стадухину.

На самом же деле, как уже говорилось, к зиме 1642–1643 годов на реке Алазея оказались казаки Д. Зыряна и М. Стадухина, среди которых был и С. Дежнёв, а также некоторое количество примкнувшим к ним на Индигирке промышленных и гулящих людей. Так что надеяться на большую удачу при сборе ясака на этой небольшой реке не приходилось. А потому М. Стадухин окончательно решил перебраться на Колыму. Но узнав от аборигенов Алазеи о том, что на Колыме людей живёт *«столь же много, сколь и волос на голове»*, он не решился последовать туда со своим малым отрядом. И потому отправил С. Дежнёва к Д. Зыряну, с которым С. Дежнёв был знаком ещё со времён пребывания в Енисейске. С тем, чтобы тот уговорил Д. Зыряна поучаствовать в совместном походе на Колыму. С чем Д. Зырян и согласился. Так что 8 июля 1643 года кочи М. Стадухина и Д. Зыряна вышли в море.

Через 7 дней (15 июля) сводный отряд достиг устья реки Колыма [Полевой, 1997а, с. 20]. Правда, некоторые исследователи, например, Л. С. Берг [1962, с. 70], считали, что это событие произошло в 1644 году. А другие уверяли, что плавание от устья Алазеи и до устья Колымы продолжалось две недели [Азатьян и др., 1969, с. 391].

Однако в обнаруженной Б. П. Полевым в 1957 году в Центральном (ныне – Российском) государственном архиве челобитной М. Стадухина и его спутников царю Михаилу Фёдоровичу об этом говорится: *«В прошлом, государь, во 151 (1643) году, июля в 8 день, сошлись мы, холопи твои государевы, и сироты твои государевы, на море, и сложились мы, служилые люди и промышленные люди, Мишка Стадухин с товарищи, да Митька Михайлов Ярило с товарищи вместе за един, чтобы нам, холопям твоим государевым, служить всякая твоя государева служба вместе за един человек, идти нам на новую реку на*

Ковыму, к новым людям неясашным, к оленным людям и к пешим сидячим людям, и призывать их к государеву жалованию и ясаку с них прошать. И как мы, холопи твои государевы, пришли на ту новую реку Ковыму, к тем неясашным людям к оленным, июля в 15 день...» [Полевой, 1997а, с. 23–24]. Так что именно отталкиваясь от этого свидетельства я попробую рассмотреть ситуацию с появлением кочей М Стадухина и Д. Зыряна на реке Колыма, а также с местом строительства на ней первого русского зимовья, более внимательно.

Итак, выйдя в плавание 8 июля 1643 года, кочи через 7 дней оказались возле стойбища юкагиров рода Пантели. А поскольку, по данным Ивана Беляна, участника этих же событий, от устья Колымы и до конечного пункта плавания (до поселения юкагира Алая) казаки плыли 12 дней [Полевой, 1997а, с. 27], то от устья Колымы и до места первой встречи с юкагирами кочи плыли два дня. С чем, собственно, согласился и сам Б. П. Полевой, когда он сказал, что М. Стадухин и его спутники вошли в устье реки Колыма примерно 12–13 июля [там же, с. 27]. Так что остаётся лишь определиться с расстояниями между всеми этими пунктами.

И с этой целью отмечу, что река Колыма впадает в Северный Ледовитый океан тремя большими протоками (рис. 1). При этом устье самой крайней левой протоки располагается примерно в 350 км от устья реки Алазея, а две её правые потоки – в 430 и 450 км соответственно. И, надо полагать, что казаки с моря вошли именно в левую протоку и проследовали по ней вверх по течению. То есть, не зная точного расположения реки Колыма, они, дабы не пропустить её устья, явно следовали вблизи берега. А потому, увидев большой (большой, чем река Алазея) водоток, они вполне резонно приняли его за реку Колыма.

После двух дней плавания по этой протоке, казаки достигли стойбища князца Пантели, где и произошла их первая вооружённая стычка с оленными юкагирами. О которой сами казаки говорили так «...*дрались мы, холопи твои государевы, и сироты твои государевы, с теми иноземцами* (с юкагирами князца Пантели – В. Б.), *день до вечера»* [Полевой, 1997а, с. 24]. И тем самым, они потеряли один ходовой день на своём пути вверх по реке.

Рис. 1. Фрагмент физической карты Северо-Востока Азии [Атлас СССР, 1983].

К сожалению, сами казаки в своей челобитной место сражения не указали даже предположительно. Как не назвал это место и Б. П. Полевой, когда он написал: «*М. Стадухин и его спутники поднимались на кочах верх по Колыме от места встречи с оленными людьми до острожка юкагира Алая ровно десять дней...*» [там же, с. 27]. Так что определять это место придётся по косвенным признакам.

А для этого придётся обратиться за помощью к М. И. Белову, который по этому случаю сказал: «... в летние месяцы колымские юкагиры обычно откочёвывали ближе к морю, выменивая у береговых чукчей моржовое сало и другие продукты питания на зиму. По свидетельству самого Михаила Стадухина и начальника Нижнеколымского острога Второго Гаврилова, «Иноземцы на той на Ковыме-реке..., оленные люди – кочуют с места на место и на озёрах» [Белов, 1973, с. 214]. К чему остаётся лишь добавить, что в то время береговые чукчи обитали на пространстве от низовий реки Большая Чухочья на западе и до низовий левой протоки Колымы на востоке, где действительно имеется множество термокарстовых озёр самой разной величины. Среди которых особое внимание на себя обращает озеро Нерпичье, расположенное в 25 км от моря и в 10–12 км от левой колымской протоки. Ибо, на мой взгляд, это своё название озеро получило потому, что именно возле него производился обмен юкагирами оленьего мяса и шкур на мясо и шкуры нерп. Так что, скорее всего, летнее становище юкагирского князца Пантели располагалось на левом берегу левой устьевой протоки Колымы в 28–30 км от её устья. И, следовательно, кочи М. Стадухина и Д. Зыряна до этого становища плыли со средней скоростью около 15 км за день.

Потеряв здесь один день на жестокую схватку с юкагирами князца Пантели и на opravку после неё, казаки последовали далее. Но так как последующие 3 дня юкагиры (сперва рода Пантели, а затем и рода Коралю), преследуя кочи на своих лёгких и быстрых лодках, постоянно вступали в вооружённые стычки с казаками, то землепроходцы, вследствие прекращения движения и сноса кочей течением в те моменты, когда им приходилось бросать вёсла и браться за оружие, потеряли, в общей сложности ещё один ходовой день. Отчего на ре-

альное продвижение от моря и до поселения князца Алая они затратили не 12, а 10 ходовых дней. Причём на всём этом пути кочи также плыли со скоростью не более чем в 15 км за день.

Но в таком случае, за 10 ходовых дней кочи М. Стадухина и Д. Зыряна смогли преодолеть не более 150 км. А этому расстоянию соответствует совместное устье рек Большой и Малый Анюй, впадающих справа в Колыму. И, надо полагать, что именно вблизи слияния трёх больших рыбных рек, стояло то самое летнее стойбище князца Алая, возле которого произошла третья жестокая схватка с юкагирами.

Однако Б. П. Полевой считал, что кочи казаков за 12 дней проплыли 650 км от устья Колымы и до места возведения Средне-Колымского зимовья [Полевой, 1965]. А ведь при таком раскладе средняя скорость кочей составляла бы 73 км за день. Правда, на самом деле Средне-Колымск располагается в 450 км от моря. Но и в этом случае скорость кочей составляла бы совершенно нереальные 50 км в день.

Ну и, наконец, ко всему сказанному остаётся добавить, что когда Б. П. Полевой говорил о достижении отрядом Стадухина-Зыряна поселения князца Алая, расположенного в среднем течении реки Колыма, то он подкрепил это своё суждение мнением Е. А. Крейновича о том, что оленные люди рода Алая большую часть года обитали на средней Колыме. Совершенно не придав при этом значения суждению того же Е. А. Крейновича о том, что летом юкагиры Алая, по давно установленному обычаю, переходили со своими оленями вниз по реке Колыма ближе к океану. То есть, к тому самому селению, которое располагалось вблизи впадения рек Большой и Малый Анюй в Колыму.

Предопределялся же этот обычай тем, что по весне олени (и дикие, и домашние) постепенно, вслед за таянием снега, перемещаются ближе к берегу Северного Ледовитого океана. И перемещаются так потому, что, постоянно поедая при этом свежую, а потому очень питательную зелень (траву, кустарнички, листву кустарников), они к осени нагуливают жир на зимовку. К тому же, постоянно выходя во второй половине лета к океанскому побережью, с его прохладными сильными ветрами и частыми туманами, олени в гораздо меньшей степени страдают от гнуса. Ну и, наконец, в придачу ко всему этому,

они ещё и пополняют запасы минеральных веществ за счёт потребления морской воды.

Однако Б. П. Полевой этот важный ландшафтно-природный феномен проигнорировал полностью, хотя именно эта сезонная миграция оленей и предопределяла годовой уклад жизни юкагиров с постоянным их перемещением на лето ближе к океану и обратно – зимой.

Таким образом, скажу окончательно, роды Пантели и Корала в середине лета 1643 года пребывали в двух и трёх днях плавания кочей от устья реки Колыма, соответственно. Тогда как юкагиры князя Алая находились в своём летнем стойбище, которое располагалось, примерно в 150 км от устья левой протоки реки Колыма. И, следовательно, казаки своё зимовье на Колыме поставили неподалёку от общего устья рек Большой и Малый Анюй.

Что ж касается дальнейших событий, то в 1645 М. Стадухин, собрав ясак за две зимы, ушёл морем в Якутск [Полевой, 1997а, с. 31], оставив в Усть-Колымске 9 (а не 13, как считали Л. С. Берг и Н. И. Никитин) человек из своего отряда во главе с С. Дежнёвым. И хотя оставшиеся казаки были недовольны таковым решением, М. Стадухин настоял на своём. В том числе и потому, что на Колыме оставался Д. Зырян, а М. Стадухин не желал предоставлять реку в его полное распоряжение.

Однако М. Стадухин в своих надеждах на скорое возвращение на Колыму всё же просчитался. Ибо по приезду в Якутск он, по приказу воеводы П. Головина, был посажен в тюрьму и пробыл в ней несколько месяцев, пока не был освобождён новоприбывшими воеводами В. Н. Пушкиным и К. О. Супонёвым [Полевой, 1997а, с. 32].

Тем не менее, именно отталкиваясь от его данных, якутская таможня уже в 1646 году отпустила к рекам Яна, Индигирка и Колыма, 551 промышленника, которые везли с собой разных товаров (сетей, боеприпасов, 6 526 пудов хлеба и прочего) на громадную по тем временам сумму в 16 067 рублей [Белов, 1973, с. 77]. Напомню, для наглядности, что морской коч ленской постройки стоил тогда 50 рублей.

В июне 1647 года якутская таможня выдала официальные проездные документы на походы к рекам Индигирка и Колыма ещё 404 ка-

закам и промышленным людям, отбывшим туда не меньше, чем на 15 кочах [Белов, 1973, с. 76]. И хотя часть этих двух людских потоков осела на реках Яна, Индигирка и Алазея, всё же именно некоторые из новоприбывших в Нижне-Колымск служилых, промышленных и торговых людей, собирая ясак по Колыме, построили сперва Средне-Колымское, а затем и Верхне-Колымское зимовья.

Итак, всего лишь через 3 года после открытия Колымы, торговых, служилых, промышленных и гулящих людей на ней оказалось настолько, по тем временам, много, что они вынуждены были начать поиски новых земель и новых неясашных иноземцев.

В частности, уже в 1646 году Исай Игнатъев Мезенец и Семён Алексеев Пустоозерец предприняли первую попытку отыскать легендарную реку Погыча. О чём колымский приказной Втор Гаврилов в своей отписке от 1647 года якутскому воеводе Петру Головину сообщал: *«В прошлом во 154 году летом с усть Ковыми ходили на море гуляти в коче вперёд промышленные люди девять человек: Исайко Игнатъев Мезенец, Семейка Алексеев Пустоозерец с товарищи. И с моря пришли к нам на Ковыму реку в роспросе сказали: бежали де они по большому морю, по зальцу, подле Камень двои сутки парусом и доходили до губы, а в губе нашли людей, а называются чухчами, а с ними торговали не-большое место потому, что толмача у них не было и съезжати к ним с судна на берег не смели, вывезли к ним товару на берег, положили и они на то место положили кости рыбы зуба немного, а не всякой зуб цел; деланы у них пешни да топоры ис той кости, и сказывают, что на море де тово зверя много ложится де он на место»* [Из отписки с реки Колымы якутскому воеводе Петру Головину..., 1989, с. 30–31]. То есть, приобрели они «рыбий зуб» (моржовые клыки) в результате так называемой «немой торговли», оставив для этого свой товар на берегу и получив взамен там же «рыбью кость» (клыки моржей).

Вот отчего Федот Алексеев Попов, желая избежать конкуренции, решил на свой страх и риск отправиться на восток в поисках реки Погыча (Анадырь) с тем, чтобы первым основать там новую торговую ярмарку [Белов, 1973, с. 97]. И с этой целью он в 1647 году предпринял свою первую попытку достичь Анадыри. Причём в намерении

придать своему предприятию официальный характер и тем самым закрепить за собой приоритет в освоении её ресурсов, он обратился к Втору Гаврилову с просьбой назначить начальным человеком его отряда кого-нибудь из служилых людей. Выбор колымского приказного пал на С. Дежнёва. И пал, надо полагать, не только потому, что их связывала долготелая совместная служба и дружба, но и потому, что В. Гаврилов был уверен в том, что его бывший соратник справится с новым заданием лучше других.

Кстати, сам С. Дежнёв с небольшой группой людей в зимы 1645–1646 и 1646–1647 годов занимался охотой и сбором ясака на Средней Колыме [Полевой, 1997а, с. 50]. Так что в Нижне-Колымске он оказался лишь весной 1647 года, то есть уже после того, как колымские казаки вместо погибшего в начале 1646 года Д. Зыряна, назначенного ранее именованным наказом якутских воевод приказным на реке Колыма, выбрали себе нового приказного – Втору Гаврилова. Который и назначил С. Дежнёва главой похода на реку Анадырь.

И вот что говорил об этом походе сам приказной: *«И в нынешнем во 155 году, июня в... день, пошли на море москвитина гостинной сотни торгового человека Алексея Усова прикащик Федотко Алексеев колмогорец с покрученниками двенадцать человек, а иные збирались промышленные люди своуженники, а сверх их собралось пятьдесят человек, пошли на четырёх кочах той кости рыба зуба и соболиных промыслов разведывати. И тот Федотко с товарищи к нам в съезжую избу словесно прошали с собою служилого человека. И бил челом, государь, Якуцково острогу служилой человек Семейка Дежнёв ис прибыли, а челобитную подал в съезжей избе, а в челобитной явил государю прибыли на новой реке на Анандыре сорок семь соболей. И мы его, Семейку Дежнёва, отпустили для тое прибыли с торговым человеком с Федотом Алексеевым и для иных новых рек проведывать где бы государю мошно прибыль учинити. И дали им наказную память и где буде найдут неясашных людей, и им аманатов имати и государев ясак с них збирати и под ево царскую высокую руку подводити и прочая»* [Из отписки с реки Колымы якутскому воеводе Петру Головину..., 1989, с. 31].

Однако вследствие тяжёлой ледовой обстановки 1647 года, мореходы, дойдя приблизительно до Шелагского мыса, были вынуждены возвратиться в Нижне-Колымск. О чём С. Дежнёв в своей челобитной сказал: *«Да яз же, холоп твой, в прошлом во 155 году с Ковымы реки посылан на твою государеву службу на новую Анандырь реку великим морем-окияном и того лета на море льдом до Ананндыри реки не пропустило. И я, холоп твой, воротился назад на Ковыму и на реке Ковыме зимовал и, перезимовав, опять послан на ту же новую Анандырь реку...»* [Челобитная С. Дежнева..., 1989, с. 35].

Несколько иначе об этом же написал Б. П. Полевой, согласно которому С. Дежнёв, оказавшись в Нижне-Колымске, снова решил было уйти в Якутск. Но чтобы уйти не с пустыми руками, он в зиму 1647–1648 годов занимался охотой на соболя на реке Индигирка [Полевой, 1997а, с. 50]. И только в мае 1648 года вернулся с промысла в Средне-Колымск, в тогдашний, как уверял историк, административный центр Колымского региона [Полевой, 1997а, с. 50].

Однако, на мой (и не только на мой) взгляд, административный центр всё же находился в Нижне-Колымске. Ибо, во-первых, он был ближе к морю, а потому к нему было легче и удобнее доставлять людей и грузы по морю на кочах. К тому же, во-вторых, таёжное редколесье не доходит до устья реки Колыма всего лишь на 10 км, так что у землепроходцев не было проблем ни с дровами, ни со строительным материалом. И наконец, в-третьих, низовье Колымы, как утверждал сам же Б. П. Полевой, было гораздо богаче рыбой, чем средняя и верхняя её части. А ведь рыба была основной пищей землепроходцев. Не случайно же они в своих отписках и челобитных постоянно жаловались на нехватку сетей, на их изношенность и на дороговизну новых сетей.

Тем временем Ф. Попов в очередной раз обратился к колымскому приказному Втору Гаврилову с просьбой поставить во главе отряда торговых людей служилого человека. И вновь колымский приказной предложил С. Дежнёву стать официальным главой морского похода на реку Анадырь. И предложил потому, что среди известных ему служилых людей только С. Дежнёв в наибольшей степени подходил для

этой роли. Ибо М. Стадухин в это время ещё только следовал из Якутска на Колыму, а Герасим Анкудинов, который также претендовал на должность официального главы похода, будучи беглым казаком, права на занятие государственной должности не имел.

Впрочем, на этом я и завершу описание деятельности С. Дежнёва на реках Лена, Оймякон, Индигирка, Алазея и Колыма и перейду к анализу событий, связанных с его походом на реку Анадырь.

ОТ КОЛЫМЫ ДО АНАДЫРИ

Плавание шести кочей отряда С. Дежнёва и Ф. Попова, а также примкнувшего к ним коча Г. Анкудинова от Колымы к Чукотке и открытие ими Берингова пролива является одним из самых выдающихся достижений русских землепроходцев на Дальнем Востоке. Вот отчего об этом походе было написано множество статей и книг, в которых высказывалось немало самых разных мнений и суждений. Вплоть до того, что численность участников этой экспедиции у разных авторов варьирует от 90 до 105, 115 и даже, как отметил А. С. Зуев [2002], до 210 человек; при разном же – от трёх до шести и семи – числе кочей.

К примеру, выдающийся знаток истории географических открытий академик Л. С. Берг, считал, что 20 июня 1648 года **90** служилых и промышленных людей на **шести** кочах отправились на поиски реки Анадырь [Берг, 1962, с. 70]. И это при том, что современник (а отчасти и очевидец) тех событий М. Стадухин в своей отписке якутским воеводам от 1649 года говорил: *«А которые служилые и торговые люди Ерасимко Анкудинов, Семейка Дежнёв, а с ними **девятью** человек в прошлом во 156 году с Ковыми реки пошли на ту же реку на **семи** кочах...»* [Отписка с Колымы..., 1952, с. 116]. Да и сам С. Дежнёв в своей челобитной царю Алексею Михайловичу о ситуации, сложившейся после крушения коча Г. Анкудинова и перехода всех его людей на другие кочи, сообщал: *«И я, холоп твой с ними, торговыми и промышленными людьми шли морем на **шести кочах девятью** человек»* [Из челобитной ленского казака Семёна Иванова Дежнёва..., 1952,

с. 149]. Так что на семи кочах действительно было 90 человек. При этом на коче самого С. Дежнёва находилось 18 казаков [Белов, 1973, с. 104].

Впрочем, гораздо более важным во всём этом является то, что и до сих пор нет однозначного ответа на два самых важных вопроса: где был выброшен на берег коч С. Дежнёва и каковой оказалась судьба Ф. Попова? Что, помимо скудности первичных данных и далеко не всегда их верной интерпретации, в немалой степени было обусловлено тем, что историки и краеведы недостаточно полно включали в картину своих представлений те или иные особенности ландшафтной обстановки мест описываемых ими исторических событий.

В намерении хотя бы отчасти разобраться во всём этом и осуществляется данная часть исследования, в которой, на основе ландшафтно-ситуационного анализа [Быкасов, 2015], проясняются неясные и спорные обстоятельства появления С. Дежнёва на реке Анадырь, а также излагается новая версия плавания коча Ф. Попова после сброса кочей экспедиции в Беринговом море.

Итак, 20 июня 1648 года от реки Колыма в поисках реки Анадырь отправились: коч Семёна Ивановича Дежнёва, снаряжённый им за свой кошт; 5 кочей торговых людей Федота Алексеевича Попова (Холмогорца), Афанасия Андреева и Бессона Астафьева, а также примкнувший к ним коч Герасима Анкудинова.

Сейчас нет надобности касаться того, как формировался этот сводный отряд, ибо об этом обстоятельно было рассказано другими исследователями [Белов, 1952; Белов, 1973; Ефимов, 1950; Никитин, 1990; Полевой, 1997а]. А потому лишь повторю, что по «наказной памяти» колымского приказного Вторга Гаврилова официальным главой экспедиции был назначен С. Дежнёв: *«И мы его, Семейку Дежнёва, отпустили для тое прибыли с торговым человеком с Федотом Алексеевым и для иных новых рек проведывать и где бы государю мошно прибыль учинить. И дали им наказную память и где буде найдут неясашных людей, и им аманатов имати и государев ясак с них збирати и под его государеву высокую руку подводити и прочая»* [Из отписки с реки Колымы якутскому воеводе..., 1989, с. 31].

Кстати, повторно приводить это свидетельство колымского приказного потребовалось потому, что некоторые исследователи главой похода считали Ф. Попова. В частности, камчатский историк С. И. Вахрин так прямо и сказал: «*Мы чтим имена приказчика московского купца Усова Федота Алексеевича Попова-Холмогорца – руководителя первой русской промысловой экспедиции на Тихом океане и его помощника казака Семёна Ивановича Дежнёва*» [Вахрин, 1996, с. 45]. Однако на самом деле Ф. Попов был организатором (одним из), а не руководителем этого похода. О чём можно судить хотя бы по тому, что это именно он попросил колымского приказчика поставить во главе отряда служилого человека [Зубов, 1964, с. 37]. Каковым и оказался С. Дежнёв.

Впрочем, С. И. Вахрин далеко не единственный из тех, кто определял Ф. Попова в главу экспедиции. Об этом говорили ещё В. Ю. Визе, Л. С. Берг и С. В. Бахрушин. А позднее представление о том, что инициатором, организатором и главой экспедиции был Ф. Попов поддерживали и Д. М. Лебедев с В. А. Есаковым [1971, с. 113].

Однако М. И. Белов, с мнением которого остаётся лишь согласиться, считал, что в те времена приказными отрядов, острогов и волостей назначали служилых людей, причём, нередко, из числа рядовых, как, например, того же Вторга Гаврилова или Ивана Ерастова. Тогда как целовальниками (приёмщиками в государеву казну ясака и таможенных сборов) по большей части были торговые люди – например, целовальником колымского приказного Василия Власьева был купец Кирилл Коткин [Полевой, 1997а, с. 70]. Так что Ф. Попов, скорее всего, был целовальником при С. Дежнёве – то есть, вторым лицом экспедиции, в обязанность которого входило оприходование в царскую казну ясака и десятой части пушнины, добытой служилыми и промышленными людьми.

Что же касается самого похода, то начался он, как считал Б. П. Полевой, 16 июня 1648 года, когда отряд отбыл из Средне-Колымска [Полевой, 1997а, с. 52]. Хотя некоторые исследователи, например А. В. Ефимов [1950, с. 61], считали, что сводный отряд формировался в Нижне-Колымске, а сам поход начался 20 июня.

Впрочем, в каком бы острожке ни происходила подготовка отряда к походу, окончательный выход кочей в плавание состоялся 20 июня, о чём С. Дежнёв в своей отписке якутскому воеводе И. Акинфову сказал: *«В прошлом во 156 году июня в 20 день, с Ковымы реки, послан я, Семейка, на новую реку на Анандырь, для приску новых неясашных людей»* [Из отписки якутскому воеводе..., 1952, с. 130].

Казалось бы, что это свидетельство самого землепроходца не допускает разночтений. И, тем не менее, самый первый истолкователь данных С. Дежнёва Г. Ф. Миллер в своё время написал: *«В 1648-м году июля 20 дня отправился Дежнев в другой раз в море, да с ним же вместе пошли два коча служиваго человека Герасима Анкудинова, да торговаго человека Федота Алексеева... Дежнев пришёл з другими двумя кочами к большому Чукоцкому или Шелагинскому носу благополучно, но у оного носу коч Герасима Анкудинова разбило и бывшие на оном люди на достальные два коча перебрались...»* [Экстракт, 1950, с. 259]. То есть, он начало плавания сместил на месяц позже, количество кочей сократил до трёх, а Шелагский нос отождествил с Чукотским полуостровом. И тем самым внёс первую невнятицу в оценку этой ситуации. Впрочем, не исключается, что при определении месяца либо сам Г. Миллер вместо буквы «н» написал букву «л», либо в этом случае произошла обычная типографская опечатка.

Столь же принципиальные расхождения с реальными данными отмечаются и у других исследователей. Так, например, Н. Н. Зубов (согласно которому на семи кочах находилось более ста человек) уверял, что, не доходя Берингова пролива, два коча разбились о льды, два пропали без вести, а в пролив вошли три судна [1954, с. 38].

Почти так же оценил эту ситуацию и М. И. Белов: *«...в районе мыса Шелагского, как рассказывали через год местные жители (док. 33), кочи попали в страшную бурю. У прибрежных скал два судна потерпели крушение. Их экипажи едва выбрались на берег, где все люди погибли в неравной борьбе с чукчами. Дежнев с остальными судами продолжал плавание»* [1952, с. 93]. То есть, он также считал, что два коча потерпели крушение ещё задолго до подхода к Чукотскому полуострову.

Несколько иначе, но столь же неверно, по этому поводу высказались Д. М. Лебедев и В. А. Есаков: *«В пути большая часть судов и людей погибла. Но два коча – Попова и Дежнева – с оставшимися спутниками обогнули мыс, носящий теперь имя Дежнева, и первыми из европейцев прошли Берингов пролив...»* [1971, с. 111].

Ну а Н. И. Никитин и вовсе «потерял» один коч, когда написал, что в районе Шелагского мыса потерпели крушение два коча, причём добравшиеся до берега люди были перебиты чукчами, коч Г. Анкудинова потерпел крушение возле мыса Дежнёва, а в Берингово море вошли три коча [1990, с. 37].

Итак, названные, и многие другие, исследователи считали, что часть кочей отряда С. Дежнёва потерпела крушение ещё задолго до подхода к Чукотке. И, надо полагать, считали так потому, что казаки М. Стадухина коряков, рассказавших им о крушении двух кочей С. Дежнёва, пленили в районе Чаунской губы. Хотя сам казачий десятник в своей отписке якутским воеводам от 1649 года об этом говорил нечто иное: *«...и про них те ж языки сказывали: два коча де на море разбило, и наши де люди их побили, а достальные жили де по край моря, и про них де мы не знаем живы ли оне или нет»* [Отписка с Колымы якутским воеводам Василию Пушкину..., 1952, с. 116]. Ни слова не сказав при этом о том, что эти два коча погибли именно в районе Чаунской губы.

Но самое удивительное во всём этом заключается в том, что в распоряжении исследователей имелись челобитные и отписки С. Дежнёва, из данных которых следует, что коч Г. Анкудинова был выброшен на берег возле мыса Дежнёва, а остальные шесть кочей вошли в Берингов пролив и обогнули Чукотский полуостров.

Так что из всех известных мне исследователей только Б. П. Полевой сумел разобраться во всей этой ситуации, когда написал: *«... до устья Анадыря смогли дойти не три коча, а все ШЕСТЬ (седьмой коч, погибший у Чукотки, он не упоминал, потому что тот принадлежал не ему, а его сопернику Г. Анкудинову)»* [1997а, с. 75]. Впрочем, и он упустил из виду, что на самом деле С. Дежнёв о седьмом коче всё же говорил: *«А тот большей Нос мы, Семейко с товарищи знаем,*

потому что разбил у того носу судно служивого человека Ерасима Анкудинова с товарищи. И мы, Семейка с товарищи, тех разбойных людей имали на свои суды и тех зубатых людей на острове видели ж» [Отписка Якутскому воеводе..., 1989, с. 44].

Кстати, казалось бы, что после выхода в свет книги Б. П. Полевого «Новое об открытии Камчатки» уже никто не станет возвращаться к предположению о гибели части кочей экспедиции С. Дежнёва ещё на подходе к Чукотке. Ан нет, 6 лет спустя В. Н. Чернавская вновь написала: «В ходе плавания четыре коча разбились, и в начале сентября того же года крайней северо-восточной оконечности Евразии достигли кочи С. Дежнева и Ф. А. Попова, а также следовавший отдельно от них коч Герасима Анкудинова, разбившийся о камни при переходе от Северного Ледовитого в Тихий океан» [2003, с. 107]. Не заметила она, кстати, и своей собственной досадной оговорки, когда написала, что: «В 1648 г. С. Дежнёв и его спутники, обогнув **Камчатку**, первыми из европейцев прошли через пролив, отделяющий Азию от Америки» [там же, с. 100].

Но вернусь к походу С. Дежнёва. Итак, 1 сентября 1648 года все семь кочей достигли района мыса Дежнёва, где на берег был выброшен коч Герасима Анкудинова. Оттуда шесть кочей, принявшие на свои борта людей Г. Анкудинова, проследовали к островам Диомида. О чём сам С. Дежнёв сказал: «Против того ж Носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных, а не тот, что есть первой Святой Нос от Коломы» [Отписка Якутскому воеводе..., 1851, с. 21]. И тем самым он чётко отделил Чукотский полуостров от Шелагского мыса.

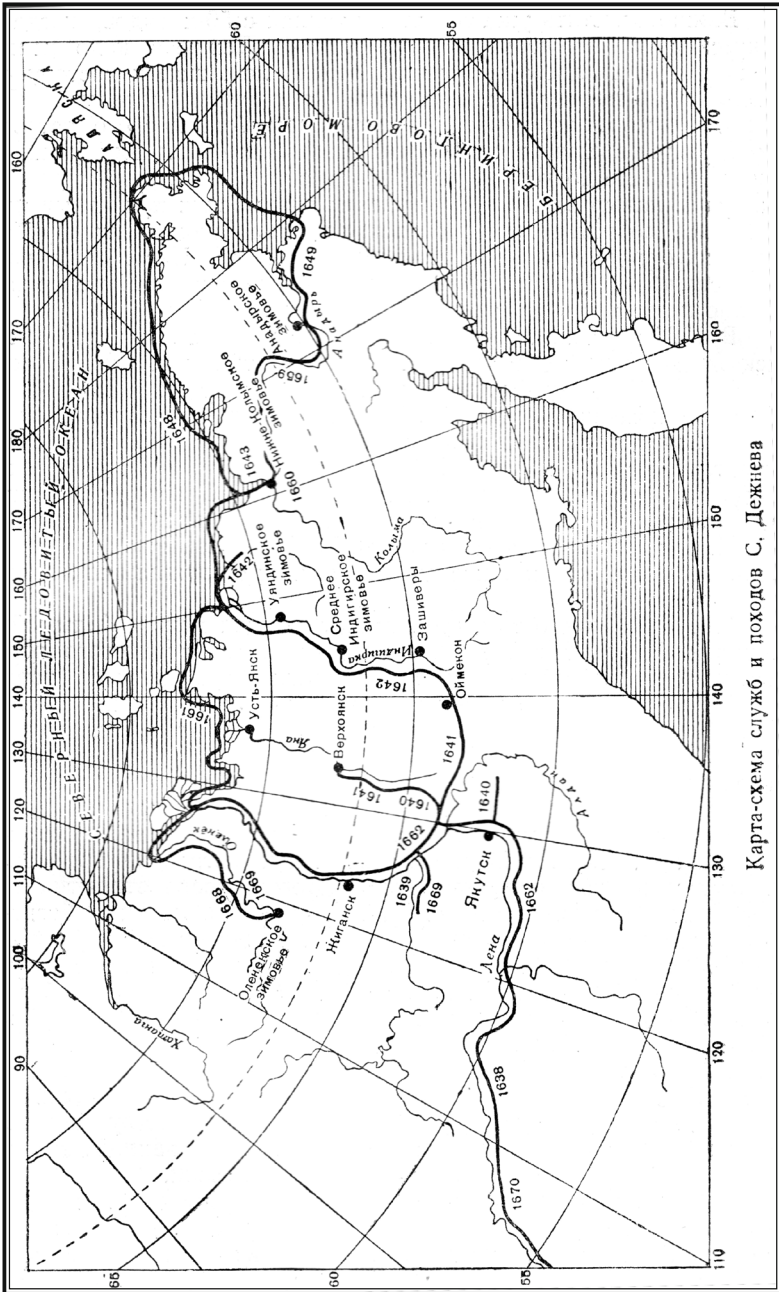
Отплыв от островов Диомида, шесть кочей около 20 сентября подошли, как считал М. И. Белов [1955, с. 80–81], к нынешнему Чукотскому мысу, где экспедиция сделала остановку и где во время вооружённой стычки с чукчами был ранен Ф. Попов: «И в прошлом же во 157 году, месяца сентября в 20 день, идучи с Колымы реки морем, на пристанище, торгового человека Федота Алексеева Чухочьи люди на драке ранили...» [Отписка Якутскому воеводе Ивану Акинфову...,

1851а, с. 25]. Однако С. Дежнёв при этом так и не уточнил, в каком месте произошло это столкновение с чукчами. Отчего и возникла очевидная нестыковка мнений и суждений исследователей.

И действительно, вот что говорил об этом Г. Ф. Миллер: «...сентября 20 дня пристали Дешнева и Федот Алексеев в одном месте на берегу и имели с чукчами [бой], после которого времени Федота Алексеева з Дешневым на море без вести разнесло; а Дешнева носило по морю **после Покрова Богородицы** и выбросило на берег за рекою Анадырем, то есть от оной реки на полдень или между Анадырем и Олюторою рекою» [Экстракт, 1950, с. 259]. То есть, по его мнению, буря застигла отряд С. Дежнёва в самом конце сентября, возле устья реки Анадырь. А так как кочи в сторону Анадыри явно плыли вдоль берега, то названная стычка с чукчами могла произойти и в районе залива Креста. Во всяком случае, именно так считали Б. П. Полевой [1997а, с. 62] и А. С. Зуев [2002, с. 198], когда они говорили о стычке землепроходцев с чукчами.

Впрочем, во всей этой ситуации важно не то, где произошла эта вооружённая стычка, а то, что после этого кочи направились к реке Анадырь. Ибо в оценке этого события также имеются принципиальные расхождения с реальностью. К примеру, М. И. Белов считал, что мореходы якобы направились в сторону реки Анадырь напрямую от мыса Чукотский через Анадырский залив. «Едва лишь скрылся берег и мореплаватели очутились в открытом море, налетела буря, разлучившая суда Федота Алексеева и Дежнева», – написал он по этому поводу [1955, с. 81; 1973, с. 122]. И подкрепил это суждение изображением пути кочей на своей карте (рис. 2).

Но в таком случае остаётся признать, что кочи отряда С. Дежнёва должно было бы разбросать примерно на полпути от Чукотского мыса к южному побережью Анадырского залива. Ибо если гористые берега этих мысов можно видеть даже на расстоянии в 80–100 км, то низменные берега Анадырского лимана мореходы на таком расстоянии увидеть не могли бы ни до начала бури, ни тем более во время её. А потому и не могли бы посчитать это горло за устье реки Анадырь, к которому они привязывали место разброса кочей.

Карта-схема служб и походов С. Дежнева

Рис. 2. Маршруты Семёна Дежнёва [Белов М. И. Семён Дежнёв, 1955, с. 130].

В том же, что мореходы видели горло Анадырского лимана и приняли его за устье реки Анадырь, убеждает следующее высказывание С. Дежнёва: *«И прошед Анадырское устье, судом божиим те наши все кочи море розбило...»* [Из челобитной ленского казака Семёна Иванова Дежнёва..., 1952, с. 149]. Другое дело, что устье реки Анадырь приурочено к култуку залива Онемен, отделённого от Анадырского лимана широким проливом. Тогда как сам Анадырский лиман с Анадырским заливом соединяется относительно узким горлом. Так что для того, чтобы увидеть устье Анадыри, землепроходцам надо было бы войти на кочах в Анадырский лиман, а затем проследовать по нему и по заливу Онемен до устья реки Анадырь. Но поскольку о таком плавании мореходы не упоминали, то кочи отряда С. Дежнёва, достигнув горла Анадырского лимана с его внешней стороны, далее также следовали вдоль берега Анадырского залива.

И в самом деле, берег Чукотского полуострова после Чукотского мыса резко, под прямым углом, поворачивает к северо-западу (рис. 1). А потому мореплаватели, лишь приблизительно (со слов чукчей) зная, в каком направлении и на каком расстоянии от Чукотского мыса располагается река Анадырь, дальше следовали не напрямую, через открытое море (через голомень – по выражению того времени), а вдоль всего юго-западного берега полуострова. И только миновав залив Креста, они повернули к юго-западу и проследовали далее вдоль берега Анадырского залива вплоть до горла Анадырского лимана. При этом в сам лиман мореходы явно не заходили, ибо застигни их буря в лимане, то потерпевшие крушение кочи оказались бы выброшены на его берег всего лишь в 3–5 днях пути от устья реки Анадырь. А ведь многие исследователи считало, что крушение коча С. Дежнёва произошло многим южнее.

Тем не менее, М. И. Белов считал, что *«Буря нанесла серьёзные повреждения и этому судну. Оно потеряло управление и было выброшено на берег юго-западнее мыса Чукотского»* [Белов, 1955, с. 81; Белов 1973, с. 122]. Причём, судя по его карте, южнее горла Анадырского лимана, примерно в районе мыса Угольный (рис. 2). Так что он дей-

ствительно «отправлял» кочи экспедиции не вдоль берега Анадырского залива, а напрямую через него.

Однако чуть далее он сказал: *«Где погиб коч Дежнева – точно неизвестно. На этот счёт имеются различные суждения. Вероятнее всего это произошло у Олюторского полуострова, откуда, бросив товары и вещи, храбрые мореплаватели добрались до устья реки Анадырь. Подтверждение этому можно видеть в том, что на нартах и лыжах дежневцы шли до Анадыри 10 недель, то есть, они преодолели значительное расстояние, прежде чем достигли этой реки»* [Белов, 1955, с. 81; Белов, 1973, с. 123]. А это явно противоречит его мнению о выбросе коча С. Дежнёва в районе мыса Угольный.

Кстати, в связи со всем сказанным, стоит обратить внимание и на суждение А. С. Зуева по этому поводу: *«Большинство исследователей на основании этих показаний (показаний М. Стадухина – В. Б.) делают вывод, что Стадухин ошибочно принял за коряков чукчей-шелагов, которые и перебили группу Анкудинова (соответственно, она даже не дошла до пролива, потерпев крушение в районе Шелагского мыса). Однако я разделяю ту точку зрения, что это были всё же коряки, забредшие с побережья Берингова моря к Ледовитому океану, а значит, кочи Анкудинова разбило к югу от Анадыри. Там же, на южном побережье Анадырского лимана, погиб и Ф. Попов со своими товарищами»* [2002, с. 198–199]. И стоит потому, что у Г. Анкудинова был всего лишь один коч, который потерпел крушение около нынешнего мыса Дежнёва, где вся его команда была распределена по кочам С. Дежнёва, Ф. Попова, А. Андреева и Б. Астафьева. Причём на коче С. Дежнёва оказалось 6 анкудиновцев, а сам Г. Анкудинов с несколькими своими казаками перешёл на коч Ф. Попова, который попал в бурю южнее горла Анадырского лимана. А потому Г. Анкудинов не мог погибнуть отдельно от Ф. Попова.

Но коли так, то А. С. Зуев, как, кстати, и Б. П. Полевой [Полевой, 1997а, с. 68], посчитав, что Федот Попов и Герасим Анкудинов закончили свою жизнь на корякском (южном) берегу Анадырского лимана, скорее всего, по ошибке отождествил Анадырский лиман с Анадырским заливом.

И в самом деле, если бы люди Ф. Попова и Г. Анкудинова оказались на южном берегу Анадырского лимана, то за долгую зиму они бы наверняка узнали от жителей расположенного поблизости острожка Нигрин, что в 5 днях пешего пути от их становища находится устье реки Анадырь. А потому у выживших в зиму 1648–1649 годов землепроходцев летом 1649 года не было бы нужды «бежать на лодках неведомо куда». Да и С. Дежнёв об их пребывании на южном берегу лимана также мог бы узнать ещё в 1649 году, когда столкнулся жителями корякского острожка, стоящего на южном берегу устья реки Анадырь, которые наверняка знали бы о пребывании людей Ф. Попова и Г. Анкудинова на берегу лимана.

Тем не менее, исследователи, упустив из виду реальную ландшафтную обстановку и данные С. Дежнёва о впадении реки Анадырь в губу в трёх днях пути от моря, именно устье реки Анадырь, а не горло Анадырского лимана воспринимали в качестве ориентира, к которому они привязывали и место разброса всех шести кочей, и место крушения кочей С. Дежнёва и Ф. Попова.

К примеру, Л. С. Берг в своих «Очерках по истории русских географических открытий» написал: *«Затем начались бури, которые носили «кочи» (лодки) Дежнева по морю, пока их, после 1 октября, не выбросило к югу от устья Анадыря; от места крушения до устья этой реки пришлось идти пешком десять недель»* [1946, с. 89]. А спустя 16 лет ещё раз повторил, что *«...после 1 октября 1648 г. коч Дежнева был выброшен бурей на берег где-то к югу от устья Анадыри. Предполагают, что это произошло в районе мыса Олюторского (под 60 с. ш.)»* [1962, с. 76].

Этой же точки зрения придерживались М. И. Белов [1955, 1963], И. Ф. Махоркин [1966], В. П. Кусков [1966] и другие исследователи. В частности, Н. Н. Зубов об этом написал: *«Коч Дежнева понесло на юго-запад и в октябре выбросило на берег значительно южнее устья Анадыря – по-видимому, на Олюторский полуостров»* [1954, с. 38]. И это при том, что Олюторский полуостров располагается не южнее, а юго-западнее горла Анадырского лимана. Причём сам морской берег от горла лимана и до мыса Наварин сперва на 250 км протягива-

ется к юго-юго-востоку, а сразу же после мыса резко поворачивает к западу (рис. 1).

Ну и наконец, совсем недавно, авторы справочного издания «Корякский округ: даты, события, факты», отталкиваясь, по их же собственным словам, от представлений А. С. Сгибнева [2005, с. 7], высказали мнение о том, что «*Коч Дежнёва носило по морю до октября месяца и, наконец, выбросило на берег к югу от р. Анадырь, не в малом расстоянии, вероятно около Олюторь*» [2018, с. 8]. То есть, западнее нынешнего полуострова Говена (рис. 1), во времена С. Дежнёва и С. П. Крашенинникова именовавшийся Олюторским полуостровом.

И действительно, век спустя С. П. Крашенинников утверждал: «*От реки Илира начинается Атвалык нос (Олюторской), которой вытянулся в море вёрст на 80, а изголовью лежит он к Говенскому носу. Море между оными называется Олюторским*» [Крашенинников, 1994а, с. 62]. Из чего следует, что названия «Олюторский залив» и «Олюторский полуостров» произошли от имени реки Олютора. Что, кстати, подтверждает и «Карта земли Камчатки с около лежащими местами», на которой к западу от Олюторского Носа располагаются реки Илир и Алютора (рис. 3).

Однако на современных картах западнее нынешнего Олюторского полуострова располагаются реки Пахача и Апука. А потому нынешний Олюторский полуостров, расположенный (по прямой) в 200 км с небольшим от устья реки Олютора, к этой реке отношения не имеет.

То есть, с течением времени подлинный Олюторский полуостров поменял своё название. И случилось это потому, что Ф. П. Литке во время своего плавания в 1828 году к Берингову проливу по ошибке присвоил изначальному Олюторскому полуострову название Говена, а Пахачинскому полуострову – имя Олюторский [Быкасов, Быкасов, 2017]. Вот отчего когда речь идёт об Олюторском полуострове как о месте выброса коча С. Дежнёва, данный факт переноса названий нужно непременно иметь в виду.

В частности, если согласиться с тем, что коч С. Дежнёва выбросило на берег в районе Олюторского полуострова, то придётся признать и то, что не меньшее расстояние казаки должны были бы преодолеть

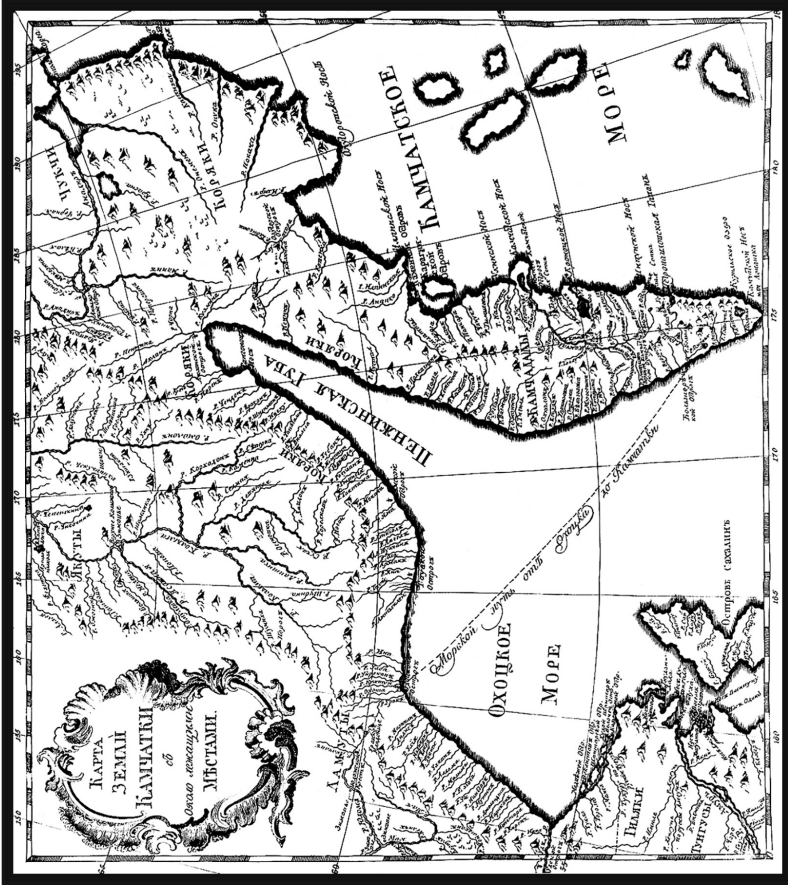

Рис. 3. Карта земли Камчатки с около лежащими местами [Атлас географических открытий..., 1964, чертёж № 115].

и на своём обратном пешем пути к устью реки Анадырь. А для этого им потребовалось бы вдвое больше времени, чем они потратили на самом деле. Ибо восточное основание изначального Олюторского полуострова удалено от горла Анадырского залива на 1 050 км, а река Олютора (ныне Вывенка) – на 1 250 км.

Ну и, наконец, ко всему сказанному следует добавить, что в те времена оленные коряки заселяли долины всех крупных (Олютора, Пахача, Апука, Укэлоят, Хатырка) крупных рек Корякии, а их береговые сородичи – устья этих же и многих других рек. Так что если бы казаки были выброшены на берег западнее мыса Наварин, то на север они уходили бы по одной из этих рек (или проходили бы через их устья, следуя к Анадыри вдоль берега). При этом они бы непременно столкнулись с обитающими там аборигенами. Однако ни С. Дежнёв, ни его казаки никогда и ничего не говорили о своих встречах с местными жителями на своём пешем пути к Анадыри. Что уже само по себе ставит под сомнение представление о выбросе коча С. Дежнёва юго-западнее горла Анадырского лимана.

Впрочем, не стану спешить с обобщениями и попробую определиться с тем, на каком расстоянии от места крушения могли оказаться казаки, если допустить, что их коч был выброшен на берег на расстоянии в 10 недель «нартного пути» от горла Анадырского лимана. И с этой целью напомним, что после разборки коча и изготовления из его досок нарт и лыж (в конце октября) светлое время суток стало предельно коротким. Так что дневной переход был, по расстоянию, очень небольшим.

Судить об этом позволяет и то, что в 1647 году отряд М. Стадухина, например, 550 км «нартного пути» от Яны реки до реки Индигирка преодолел за семь недель [Из челобитной царю Алексею Михайловичу промышленного человека Ивана Фёдорова Казанца..., 1952, с. 245]. В 1650 году он же 700-километровый «нартный путь» от Нижне-Колымска до Анадырского острожка преодолел за семь недель [там же, 246]. И, наконец, выйдя 9 февраля 1651 года от реки Анадырь на лыжах с нартами, отряд М. Стадухина оказался на реке Аклан 5 апреля этого же года [Отписка казачьего десятника Михаила Стадухина...,

1851, с. 120]. То есть, в этот раз 350, примерно, километров казаки преодолели за 8 недель.

Но если скорость передвижения отряда М. Стадухина «нартным путём» в разных условиях варьировала от 40–50 до 90–100 км за неделю, то вполне уверенно можно говорить о том, что скорость передвижения казаков отряда С. Дежнёва в более трудных условиях не превышала 40–50 км за неделю. А поскольку дежнёвцы от места крушения продвигались 10 недель, то реальная длина пешего перехода отряда С. Дежнёва составляла около 400–500 км.

Кстати, примерно такую же оценку длины пешего перехода дежнёвцев приводил и камчатский историк В. П. Кусков, согласно которому путь казаков от места предполагаемого выброса их коча до реки Анадырь достигал 350–400 км. Причём, по его мнению, крушение коча произошло в районе мыса Наварин [Кусков, 1966, с. 95]. Этой же оценки придерживался и видный американский исследователь Реймонд Фишер, который, по словам Б. П. Полевого, проведя собственные расчёты: «...значительно сократил размер пройденного десяти-недельного пути группы Дежнева от места катастрофы до низовьев Анадыри» [Полевой, 1997а, с. 66]. Из чего следует, что ни нынешний, ни тогдашний (подлинный) Олюторский полуостров, ни устье реки Алютора, никак не могли быть местом крушения дежнёвского коча. Как, впрочем, не мог оказаться таковым местом и мыс Наварин, расположенный в 250, а не в 350–400, километрах от горла Анадырского лимана (рис. 1).

Тем не менее, скорость передвижения в 35–40 км за неделю для исключительно выносливых, по суждению самого же В. П. Кускова, казаков всё-таки маловата. А потому район предполагаемого выброса коча С. Дежнёва предпочтительнее привязывать к участку побережья, расположенному между устьями Хатырка и Укэлоят. То есть, на расстоянии в 400–500 км от горла Анадырского лимана (рис. 1).

Но в таком случае напрашиваются два основных направления движения казаков от места крушения к северу: либо следование напрямик к устью реки Анадырь через восточные отроги Корякского нагорья; либо проход вдоль гористого беринговоморского побережья

к берегу Анадырского лимана (рис. 1). Так что возникает вопрос – насколько велика вероятность осуществления того или иного маршрута?

Итак, предположим, что от места предполагаемого крушения казаки пошли к реке Анадырь напрямик от побережья через горы. Ибо, как говорил сам С. Дежнёв: *«И пошли мы все в гору, сами себе пути не знаем, холодны и голодны, наги и босы»* [Из отписки якутскому воеводе Ивану Акинфову..., 1851а, с. 26]. А в таком случае можно говорить о трёх равновероятных вариантах этого пути. Это, во-первых, следование по реке Укэляят и её левому притоку – реке Пикасьваям к перевалу хребта Пикась, от которого тропа аборигенов выходит к истокам реки Великая, впадающей в залив Онемен неподалёку от устья реки Анадырь. Либо, во-вторых, переход по долине реки Опука к перевалу Мейньпильгынского хребта, от которого также можно выйти к истокам реки Великая. И это, наконец, в-третьих, следование по реке Хатырка, долиной которой можно выйти и к истокам реки Великая, и к невысокой и пологой седловине, отделяющей Койвэрэланский кряж от Мейньпильгынского хребта. По которой пролегал путь коряков из долины реки Хатырка в долину реки Тамватваям – правого притока реки Великая (рис. 1).

Узнать же об этих путях казаки могли только после общения с местными жителями (кереками), обитающими в устьях рек Укэляят, Опука и Хатырка. Да и при движении по всем названным рекам они также наверняка бы повстречались с оленными коряками, выпасающими свои стада в их долинах. Однако, как уже говорилось, ни сам С. Дежнёв, ни казаки его отряда, никогда и нигде не упоминали о том, что на месте на своём 10-недельном пути они встречались с местными жителями. В том числе и с коряками острожка, стоявшего на правом (южном) берегу реки Анадырь, неподалёку от её устья, с которыми казаки С. Дежнёва впервые столкнулись лишь летом 1649 года. Так что названные маршруты продвижения дежнёвцев отпадают.

Что же касается продвижения вдоль гористого и крайне расчленённого морского побережья, то и на этом пути землепроходцам также неоднократно пришлось бы столкнуться с кереками, которые проживали не менее чем в 10 поселениях, расположенных в устьях рек

беринговоморского побережья от реки Укэлаят и до косы Гека, замыкающей с юга горло Анадырского лимана [Леонтьев, 1976, с. 150]. Однако упоминаний о таких встречах у С. Дежнёва также нет.

Кстати, в те времена неподалёку от оконечности косы Гека стоял острожек Нигрин, покинутый, как считал В. В. Леонтьев [там же, с. 150], его жителями (кереками) сразу же после их стычки с казаками С. Дежнёва в 1654 году. А так как ни сам С. Дежнёв, ни участники его похода о встрече с жителями этого острожка на своём пути к устью реки Анадырь не упоминали, то это также говорит о невозможности движения казаков С. Дежнёва с юга на север.

Тем не менее, для того, чтобы окончательно расставить всё по своим местам, напомним ещё об одной природной особенности описываемого района.

Дело в том, что вследствие тепляющего воздействия Берингова моря на сушу, климат его побережья в осенне-зимнее время заметно теплее, чем климат внутренних территорий. Так, если средние январские температуры на участке побережья между устьем реки Вывенка (Олютора) и мысом Наварин составляют -14°C , то всего лишь в 30–50 км от морского берега они понижаются до -26°C [Кацыка, 1966]. Вот отчего первая половина осени (сентябрь – начало октября) в районе устьев рек Укэлаят и Хатырка характеризуется относительно тёплой (среднесуточные температуры, за исключением отдельных дней с заморозками, выше нуля) погодой. И лишь во второй декаде октября среднесуточные температуры становятся отрицательными, земля начинает сковываться морозом, а снег в горах спускается до отметок 200–250 м и ниже над уровнем моря [Кондратюк, 1974].

Кстати, отмечу для наглядности, 15 октября 2018 года на охотоморском побережье в районе Магадана, где тепляющее воздействие Охотского моря проявляется в меньшей степени, чем на побережье Берингова моря, снег на горах лежал выше 150–200 м и полностью отсутствовал в долинах рек на расстоянии до 80–100 км от берега моря. Так что во время крушения (13 октября по нашему стилю) коча С. Дежнёва, постоянный снежный покров в прибрежных горах, на побережье от реки Олютора и до мыса Наварин включительно,

находящегося практически на той же широте, что и Магадан, ниже 200–150 м явно не опускался. И полностью отсутствовал в нижних и средних частях долин тамошних рек.

Ну а теперь, зная все эти ландшафтные особенности, попробуем поставить себя на место служилых и промышленных людей.

Итак, середина октября по нашему времени. В горах уже выпал снег и начали замерзать реки. Впереди долгая и холодная зима. Однако на свободном от снега морском берегу достаточно много плавника, поскольку в долинах названных рек произрастает довольно мощный ивово-тополёвый пойменный лес; ещё только начинающее остывать море изобилует морским зверем (нерпами, лахтаками, сивучами), а незамёрзшие в нижнем течении реки – рыбой. Так что для длительной зимовки имеются достаточно сносные условия.

Более того, оказавшись на берегу, казаки в ожидании установления постоянного снежного покрова и замерзания рек, что в тех местах происходит в начале ноября, непременно бы производили разведку окрестностей, и при этом неизбежно повстречались бы с кереками, обитающими в устьях ближайших рек. От которых они вполне могли бы узнать о том, что в средних частях тамошних речных долин произрастают пойменные леса из тополя душистого, чозении и ивняка, а подножия и нижние части склонов гор, окружающих эти долины, заняты массивами кедрового стланика. То есть, той самой кедротундрой, которая характеризуется обилием проживающих в её пределах мелких грызунов, питающихся орехами. Отчего здесь обитают не только лисы и горностаи, но и соболи, самые, кстати, лучшие по качеству меха на всём Северо-Востоке [Гурвич, Кузаков, 1960]. А узнав всё это, казаки наверняка бы остались здесь на зимовку.

То есть, говоря иначе, если бы казаки оказались на берегу в 400–500 км юго-западнее горла Анадырского лимана, то у них не было бы ни нужды, ни повода для того, чтобы глядя на зиму направиться в северную сторону, да ещё неведомо куда. В том смысле неведомо, что они не могли знать ни о расстоянии до реки Анадырь, ни о реальном её расположении.

Ну и, наконец, не надо забывать, что в основе устремлений и чаяний первопроходцев лежала пушнина. Так что главной их целью было

не просто открытие неведомых земель, а обнаружение новых пушных угодий и «вновь неясных людей».

Однако, по мнению моих предшественников, казаки якобы уходят из относительно благоприятного для зимовки и добычи пушнины места, и 10 недель, невзирая ни на какие трудности, идут на север. Что явно не соответствует ни менталитету казаков, ни их практическим навыкам, ни их хозяйственным установкам, ни, наконец, реальной ландшафтной ситуации.

А реальность эта, помимо всего сказанного выше, заключается ещё и в том, что, передвигаясь на кочах вдоль берегов Анадырского залива, землепроходцы на всём этом пути видели только тундру. Причём во время высадки на берег вблизи устьев рек для того, чтобы провести ночь и пополнить запасы воды, они не обнаруживали там плавника в виде древесных стволов. Отчего казаки вполне уверенно могли судить о том, что на землях, мимо которых они следовали, леса как такового нет, а, значит, нет и столь вожделенного для них соболя.

Но в таком случае остаётся признать, что, скорее всего, коч С. Дежнёва выбросило севернее Анадырского лимана, на расстоянии в те же 400–500 км пешего перехода от его горла – на юго-западном берегу Чукотского полуострова, несколько восточнее залива Креста.

Правда, и в этом случае ситуация, на первый взгляд, выглядит почти такой же. Но только на первый взгляд, ибо снег тут лежал уже и на морском берегу. Да и морозы были многим крепче. К тому же в долинах рек этого района леса нет, а потому на берегу практически не было плавника. Так что казакам оставалось только одно – как можно быстрее двигаться к югу, где (и только где) можно было отыскать дрова, без которых они бы просто-напросто вымерзли. И таковым местом оказался северный берег Анадырского лимана, на который река Анадырь приносит довольно много плавника. Правда, как свидетельствует С. Дежнёв, всю зиму казаки испытывали немалую нужду в дровах. Но это объясняется всего лишь трудностью отыскания плавника под снегом.

Конечно же, и при таком раскладе событий некоторое сомнение вызывает то, что дежнёвцы при этом не встречались с местными жите-

лями. Однако, напомним, что мелководный и замкнутый залив Креста и замерзает раньше, и освобождается ото льда позже, чем открытая акватория Берингова моря. К тому же изолированность залива Креста от открытого моря, препятствует поступлению на его берега плавника, приносимого к юго-западному берегу Чукотского полуострова с Аляски. И эта же изолированность залива от моря с его течениями и сильными штормами, приводит к тому, что его ледяной покров не разбивается трещинами и полыньями, а потому морской зверь в нём появляется только в летнее время. Чем в совокупности и объясняется отсутствие постоянных поселений аборигенов на его берегах как в древние (рис. 4), так и недавние времена. А отсюда и отсутствие у казаков С. Дежнёва контактов с местными жителями.

Кстати, дважды, 1 и 2 августа 1728 года, побывав в заливе Креста, и положив его побережье на отдельную карту, моряки бота «Св. Гавриил» не обнаружили на его берегах и поблизости от самого залива ни одного чукотского поселения [Экспедиция Беринга, 1941]. Тем не менее, Б. П. Полевой почему-то посчитал, что в те времена неподалёку от залива Креста располагалось одиночное чукотское селение [1997а, с. 62].

Ну а теперь попробую прояснить, каким образом С. Дежнёв мог оказаться на юго-западном берегу Чукотского полуострова, если буря застигла кочи казаков южнее горла Анадырского лимана. И для этого вновь обращусь к ландшафтно-климатическим особенностям Северо-Востока Азии.

Дело в том, что в осенне-зимний период на всей территории, прилегающей к Берингову морю, господствует так называемый западный перенос воздушных масс, предопределяемый вторжением со стороны Якутии холодного отрога Азиатского антициклона. При этом, в результате взаимодействия этой области повышенного атмосферного давления с очагом пониженного давления Алеутского минимума, на всей западной акватории Берингова моря преобладают ветры северо-западных и, отчасти, северных направлений, нередко достигающие штормовой силы. И вполне очевидно, что таковые штормовые ветры унесли бы кочи отряда С. Дежнёва к юго-востоку или к югу от

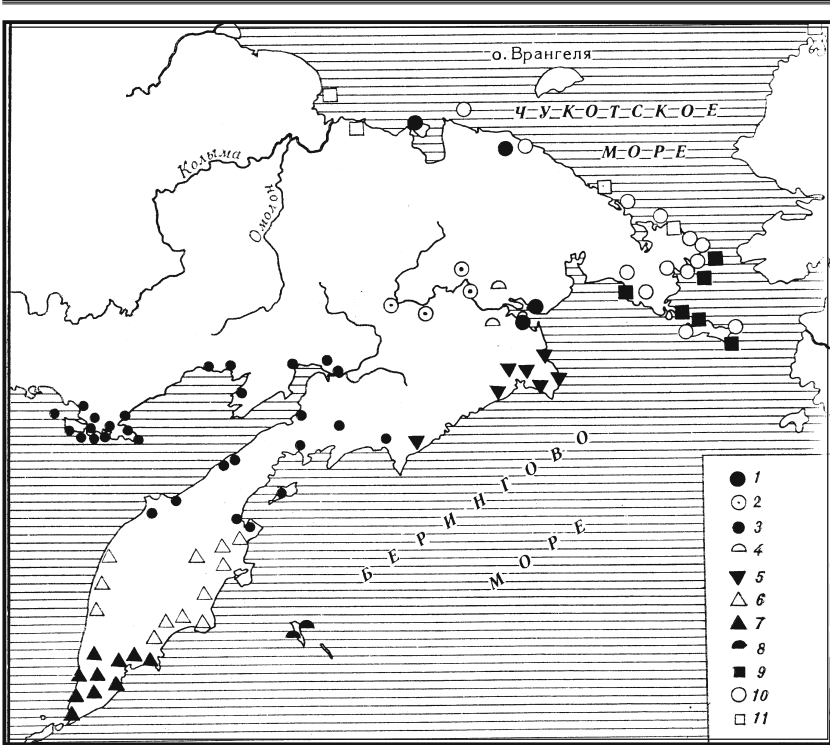

Рис. 4. Карта археологических памятников культуры неразвитого железного века и пережиточного неолита Северо-Востока СССР [История Дальнего Востока СССР..., 1989. С. 158].

Стоянки: 1 – туле-пункская, 2 – вакаревская, 3 – древнекорякская, 4 – канчаланская, 5 – древнекерекская, 6 – древнеительменная, 7 – южно-камчатская, 8 – древнеалеутская, 9 – оквикская, 10 – древнеберинговоморская, 11 – бирнирская.

горла Анадырского лимана. Но никак не могли бы обнести их вокруг мыса Наварин (рис. 1). Как не могли бы этого сделать и ветры, связанные с прохождением циклонических вихрей.

И действительно, с конца сентября на северо-восточной оконечности Азиатского материка и в западной части Берингова моря начинается период прохождения особо глубоких циклонов [Кондратюк, 1974]. При этом одни циклоны подходят сюда по суше в направлении с запада на восток; другие (до 70 % от их общего числа) смещают-

ся от тропической части Юго-Восточной Азии к Охотскому морю, а далее следуют через территорию Камчатки или вдоль её восточного побережья вплоть до южной оконечности Берингова залива, где они стагнируют. И лишь отдельные циклоны приходят с юго-востока – со стороны Алеутского минимума.

А вот теперь вспомним, что воздушные массы тропических циклонов при своём движении со скоростью до 30–35 км в час [Агалаков, 1973], чаще всего уносили японские бусы к северо-востоку – в сторону Курильских островов, Камчатки, Алеутских островов и даже Чукотки [Азатыян и др, 1959, с. 292]. В частности, К. Т. Хлебников говорил, что *«Крысы острова, как известно, получили своё название от множества крыс, расплотившихся с японского судна, которое потерпело у берегов одного острова кораблекрушение около 1780 года»* [Хлебников, 1979, с. 166].

Вспомним и то, что при подходе очередного тропического циклона к северным регионам Дальнего Востока, обычные для этих регионов ветры сменяются круговыми, направленными против часовой стрелки к центру циклона, ветрами. При этом поначалу обычные ветры сменяются кратковременным затишьем, вслед за которым чем возникают быстро нарастающие до сильных юго-западные ветры (именуемые на Камчатке «курулка», «курул»), столь же быстро сменяющиеся на очень сильные и ураганные ветры южных и восточных направлений. И, наконец, в тыл уходящего циклона, вновь проникают очень сильные и продолжительные по времени северные и северо-западные ветры. Причём таковая смена направлений и скорости ветров происходит за срок от 2–3 дней у медленных и, буквально, за 20–30 часов – у быстрых циклонов.

Вот отчего, по мере обгона циклоном попавших в него кораблей, происходит их перемещение внутри циклона по кругу сперва к северу, затем к северо-западу и западу и, наконец, к югу и к юго-востоку. Причём когда некоторые суда, окончательно отстав от циклона, пытались вернуться назад в сторону суши, то они вновь попадали в очередной циклон и ситуация повторялась. Как это произошло, например, с бусой японцев Киста и Китара, которую, по свидетельству

И. Козыревского: «...в прошлом 710 году в апреле месяце бусу розбило пустую понеже, что было у них, то всё в море сами же иноземцы сбросали. И носило четыре месяца» [Тексты Козыревского..., 1989, с. 260]. То есть, 4 месяца бусу то относило от камчатских берегов очередным циклоном, то она вновь возвращалась к ним. Да и чуть позже, в 1729 году, бусу «Фаянк-мару» из японского города Сацумы 6 месяцев и 8 дней мотало туда-сюда вдоль всех Курильских островов, прежде чем она сумела пристать к юго-восточному берегу Камчатки близ мыса Лопатка [Крашенинников, 1994а, с. 222–223].

Нечто подобное происходило и с русскими судами. Так, например, в 1716 году казачий пятидесятник Кузьма Соколов с мореходами Яковом Власовым Невейциным и Никифором Моисеевым Треской, на построенной на реке Кухтуй лодье «Восток», достигнув видимости берегов Камчатки около устья реки Тигиль [Алексеев, 1958, с. 31], поднявшимся юго-восточным ветром были отброшены примерно на 480–500 км в обратном направлении к берегам Тауйской губы. А когда ветер сменил своё направление на северо-западное, их лодья вновь была отнесена к устью Тигиля.

Спустя пять лет лодья «Восток», на которой в 1721 году вдоль Курильских островов ходили И. Евреинов и Ф. Лужин, во время возвращения от устья реки Большая на Камчатке в Охотск, была отнесена к северо-востоку в район полуострова Тайгонос. О чём позволяет судить то, что на созданной ими карте контуры самого и полуострова Тайгонос и залива Шелихова с его Гижигинской и Пенжинской губами, изображены довольно точно (рис. 5). Тогда как три десятка лет спустя адъютант Российской (Императорской) Академии наук Иван Трускот на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами» полуостров Тайгонос нарисовал в виде небольшого выступа материкового берега (рис. 3). Да ещё, к тому же, в култуке мнимой Пенжинской губы, а не в заливе Шелихова.

Позднее, уже во времена Второй Камчатской экспедиции, дупель-шлюпка «Надежда» под командованием А. Шельтинга, выйдя 9 сентября из устья реки Большая, 19 сентября 1739 года приблизилась к мысу Марикан, расположенному чуть восточнее Охотска, но

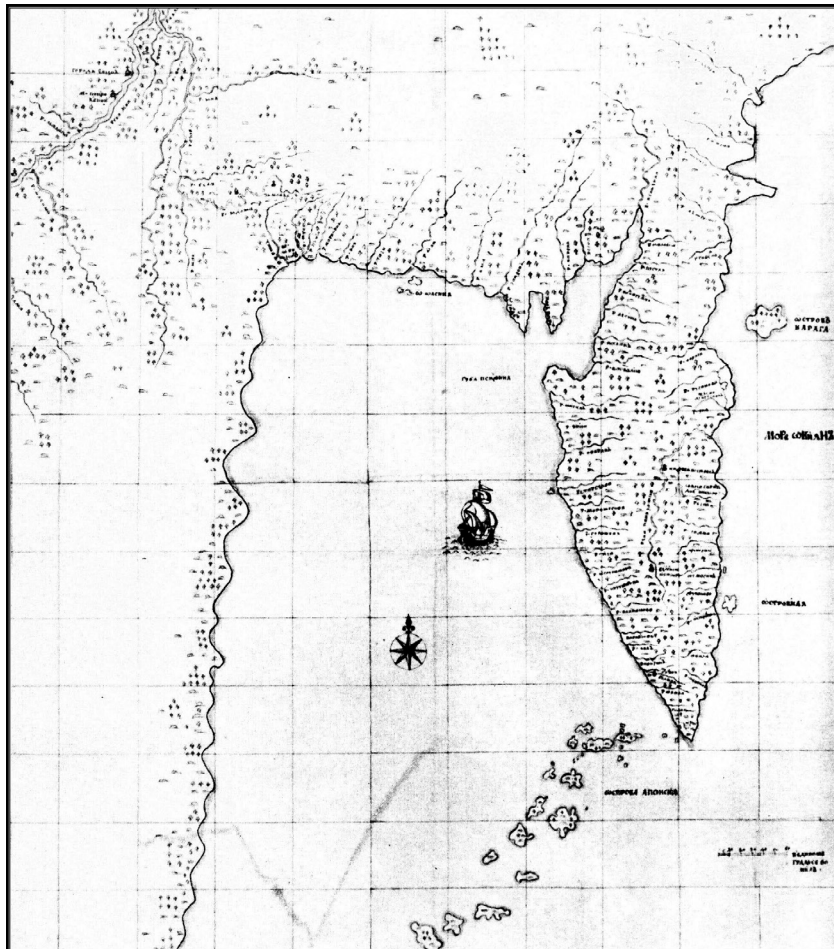

Рис. 5. Карта Евреинова (не позднее 1723 г., деталь)
[Атлас географических открытий..., 1964, чертёж № 61]

штормовым северо-восточным ветром, связанным с прошедшим по Охотскому морю циклоном, была отброшена в сторону устья реки Уда [Рапорт А. Шхелтинга..., 1941, с. 239].

Кстати, в сборнике документов «Экспедиция Беринга» [1941] это донесение именуется «Рапортом А. Шпанберга В. Берингу. 1740 г.» [1941, с. 234], подписано оно мичманом А. Шхелтингом, а в содер-

жании сборника указано – «Рапорт А. Шельтинга В. Берингу (1740)». Так что остаётся лишь гадать, какую фамилию следует приписывать автору названного рапорта.

Ну и, наконец, осенью 1740 года галиот «Охота» («Охотск») и та же дупель-шлюпка «Надежда», направляющиеся из Большерецкой гавани в Авачинскую губу с экспедиционным грузом морского отряда В. Беринга и А. Чирикова, сильными южным и восточным ветрами были отнесены на несколько сот вёрст к северо-западу от устья реки Большая. И, вернувшись с большим трудом обратно к её устью, были вынуждены остаться там на зимовку [Письмо Беринга..., 1941, с. 330].

Вполне понятно, что примеров блуждания японских и русских судов по морям и волнам Тихого океана в прошлом можно было бы привести ещё немало. Однако ограничусь, ради интереса, напоминанием ещё о двух случаях, произошедших уже в наше время.

Так, летом–осенью 1953 года катер типа «ЖК» с четырьмя членами экипажа 82 дня дрейфовал вблизи юга Камчатки. При этом моряки из огнетушителя сделали дистиллятор, из одеял сшили парус, укрепив его с помощью багров, а в качестве еды использовали кожу с сапог, которую варили и ели [«Плывать по морю необходимо...», 1998, с. 391]. То есть почти три месяца крошечный железный катерок («жучок» в просторечии) носило по воле волн, прежде чем судёнышко было обнаружено, а его экипаж спасён.

Позднее, в январе 1960 года, от Южно-Курильска в океан была унесена десантная баржа с Асхатом Зиганшиным, Филиппом Поплавским, Иваном Федотовым и Анатолием Крючковским на борту. Семь недель несло баржу мимо Курильских островов, Камчатки и Алеутских островов. При этом весь свой запас пищи – ведёрко картошки, буханку хлеба, две банки консервов и килограмм животного жира – невольные мореплаватели разбили на маленькие суточные порции. А когда и этому пришёл конец, то они разрезали сапоги, вымачивали кожу и, вываренную, поджаривали. Тем не менее, когда через 49 дней вертолёт с американского авианосца «Кирсадж» доставил их на борт, они находились в абсолютно трезвом уме и памяти [Песков, 1998, с. 612–613].

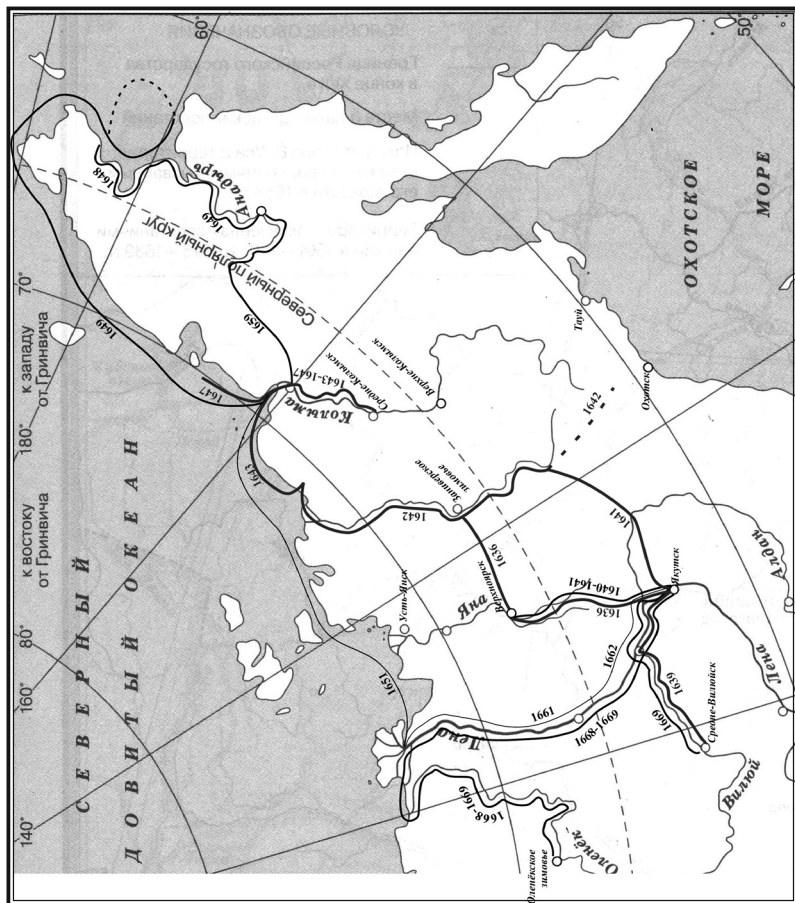

Рис. 6. Карта основных и предполагаемых (пунктир) походов С. Дежнёва.

Но если даже современные железные «коробки» оказались способными на многодневные скитания по воле штормовых ветров, то что уж тут говорить о русских кочах, мореходные качества которых удивляли даже западноевропейских моряков. Тем более, что оснащены они были парусами и вёслами, а не вышедшими из строя двигателями. А их экипажи были куда как более привычными и подготовленными к жестоким испытаниям, чем современные моряки и солдаты.

Ну а теперь, зная об особенностях атмосферной циркуляции в районе Курильских островов, Камчатки и Чукотки и о длительном пребывании потерпевших катастрофу судов в открытом море, попробую окончательно разобраться с тем, как коч С. Дежнёва мог оказаться на берегу Чукотского полуострова восточнее залива Креста.

На мой взгляд, дело обстояло следующим образом. Отойдя от горла Анадырского лимана на 120–130 км к югу, кочи были застигнуты подошедшим тропическим циклоном с его относительно слабым юго-западным ветром. Однако, ничего не зная об особенностях циклонической циркуляции в этом регионе, казаки, вместо того чтобы приткнуться к берегу и там переждать бурю, продолжили свой путь на вёслах.

Но вскоре и сам по себе циклон, движущийся в северо-восточном направлении, и быстро усиливающийся юго-западный ветер понесли кочи в сторону юго-восточной оконечности Чукотского полуострова. Затем, когда кочи оказались примерно посередине между мысом Наварин и Чукотским мысом, южный и юго-восточный циклонические ветры начали, последовательно, относить их к северу и северо-западу. Ну а когда кочи окончательно отстали от циклона, то они попали под воздействие сильных и продолжительных по времени северных и северо-западных тыловых ветров, унёсших их далеко к юго-востоку от азиатских берегов в центральную часть Берингова моря.

То есть, говоря иначе, циклон и его, направленные против часовой стрелки, ветры протащили кочи по кругу мимо Чукотского полуострова. При этом коч самого С. Дежнёва, оказавшийся ближе всех к его берегу, был выброшен на сушу. Впрочем, не исключено, произошло это ещё и потому, что казаки, оказавшись волею случая в видимости

берега, сделали всё возможное для того, чтобы выброситься на него. Тогда как остальные кочи, экипажи которых так и не увидели земли, унесло прочь – в центральную часть Берингова моря.

Правда, некоторые исследователи [Кусков, 1966; Полевой, 1997а] считали, что одна и та же буря не могла разбросать кочи С. Дежнёва и Ф. Попова далеко друг от друга. Однако другие историки столь же однозначно уверяли, что коч Ф. Попова был выброшен на берег севернее мыса Наварин, а коч С. Дежнёва – западнее него – то есть, за сотнями км друг от друга. Не говоря уже о том, что история мореплавания на Тихом океане и его морях хранит немало примеров уноса кораблей не только далеко от места назначения, но и их разноса друг от друга.

Например, В. Вахтин, говоря о плавании пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел» в 1740 году к Камчатке, привёл следующее свидетельство А. Чирикова: *«22 августа. В начале 11 часа, подняв парусы, пошли из устья реки Охоты. 29 августа. В половине 3-го часа пришли к камчатской земле и за противным ветром легли на якорь. Глубина 12 сажень, земля мелкий песок, расстояние от земли 3 версты. В 10-м часу утра подошли к берегу поближе и послали лодку к берегу за водою. Против нас речка, которая называется Крутогорова. 4 сентября. В 6 часов пришли в устье реки Большой на убылой воде и легли на якорь. В исходе 8-го сентября пришло наше другое судно и, не входя в устье, легло на якорь»* [1890, с. 42]. То есть, даже более мореходные, чем кочи, суда, да ещё, к тому же, оснащённые современным навигационным оборудованием и ведомые профессиональными штурманами, по местам подхода к берегам полуострова разошлись на 250–270 км, а по времени подхода к устью реки Большая – на четыре дня. И это при том, что с особо сильным штормом им столкнуться не пришлось.

Годом позже, при плавании в Тихом океане в поисках пресловутой Земли Жуана де Гама, пакетботы «Св. Пётр» и «Св. Павел» снова потеряли друг друга: *«А июня 20 числа за обычайными тамошними всегдашними туманам и приключившимся жестоким ветром (от которого принуждены были лежать под одной бизанью) с капитан-командором разлучился...»* [Рапорт А. Чирикова..., 1941, с. 274]. Отчего они и подошли к берегами Северо-Западной Америки с разрывом во

времени на двое суток (15 июля – «Св. Павел» и 17 июля – «Св. Пётр») и с разницей в расстоянии в 400 вёрст [Экспедиция Беринга, 1941].

Но последую далее. И с этой целью определяюсь с числом землепроходцев, высадившихся на берег.

Дело в том, что сам С. Дежнёв об этом сказал так: *«А было нас на коче всех дватцать пять человек»* [ДАИ, 1851, с. 25]. О 25 казаках, оказавшихся на берегу говорил и академик Г. Миллер: *«Он пошел с того места, где его кочь разбило с товарищами своими з 25-ю человеками в гору не зная перед собою пути, потому что вожа не было и дорогою с голоду и стужи немалую нужду претерпевали. Чего ради они может быть для получения себе пищи и одежды дорогою и зверей промышляли, и от того их путь весьма продолжился, так что они уже по прошествии десяти недель бывши в заблуждении (заблудившись – В. Б.) вышли на реку Анадырь близ её устья»* [Экстракт, 1950, с. 259]. Признав, кстати, тем самым, что 10-недельная длительность пешего похода к реке Анадырь была обусловлена не столько длиной самого перехода, сколько трудностями (голодом и стужей) пешего пути.

Тем не менее, один раз С. Дежнёв об этом же выразился несколько иначе: *«И прошед Анадырское устье, судом божиим те наши все кочи море розбило, и тех торговых и промышленных людей от морского розбою на море потонуло и на тундре от иноземцов побиты, а иные голодною смертью померли, итого всех изгибло шестьдесят четыре человеки»* [Из челобитной ленского казака..., 1952, с. 149].

Впрочем, скорее всего, упомянув о 26 оставшихся в живых казаках, С. Дежнёв оговорился. Хотя допустить ошибку мог и дьяк, записавший его рассказ. Однако во всём этом куда как больше удручает то, что С. Дежнёв так и не назвал ни места выброса своего коча, ни направления (с севера на юг или наоборот) своего движения к реке Анадырь. Что и послужило основной причиной возникновения последующей разноголосицы в привязке места выброса коча С. Дежнёва на берег.

И действительно, сам мореход об этом сказал: *«И в прошлом же во 157 году, месяца сентября в 20 день, идучи с Колымы реки морем,*

на пристанище, торгового человека Федота Алексеева Чухочьи люди на драке ранили, и того Федота со мною Семейкою на море рознесло без вести, и носило меня Семейку по морю после Покрову Богородицы всюду неволею, и выбросило на берег в передний конец за Анадырь реку; а было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы в гору, сами себе путь не знаем, холодны и голодны, наги и босы» [ДАИ, 1851, с 25–26]. Но вот что следует принимать за этот «передний конец» – непонятно.

Дело в том, что река Анадырь впадает, как уже говорилось, не в море, а в большой залив Онемен, соединённый с Анадырским лиманом довольно широким проливом. Так что берег Анадырского устья таковым «передним концом» быть не мог.

Что же касается обширного Анадырского лимана, то он с Беринговым морем (с Анадырским заливом, точнее) соединяется относительно узким горлом, образованным Русской Кошкой с севера и косой Гека – с юга. А поскольку казацкие кочи проплыли мимо этих кос, не заходя в лиман, то искомым «передним концом» горла Анадырского лимана может быть только одна из них. Но вот какая – вопрос?

И действительно, понятие «передний конец», без указания точки отсчёта, чёткого определения не имеет. Например, Б. П. Полевой об этом написал так: *«Из документов анадырских казаков стало очевидным, что они придерживались обычной поморской терминологии, а у северян существовало особое понятие «концегубье», что означает внешние пределы губы. Так, по дошедшей до нас любопытной отписке анадырского приказного Курбата Иванова стало очевидным, что анадырские казаки считали, что «концегубье» Анадыря делилось на два «передних конца»: южный корякский и северный – «рузский конец». Под первым подразумевалась анадырская моржовая корга, открытая Дежнёвым лишь в 1652 г, вблизи места октябрьской катастрофы 1648 г.»* [1997а, с. 66].

На следующей странице Б. П. Полевой ещё раз повторил: *«Так становится очевидным, что, по представлениям русских анадырцев, «концегубье» в восточной части анадырского (так, с малой буквы, в тексте – В. Б.) лимана имело два «передних конца»: на юге – «ко-*

ряжский конец» – дежневская анадырская моржовая корга, и на севере – Русская большая Кошка, что подтверждает мнение В. Г. Тана-Богораза и И. С. Вдовина: в XVII в. дежневской моржовой коргой называлась земля Гека» [Полевой, 1997а, с. 67].

То есть, если придерживаться этих определений, у тогдашних русских мореходов точкой отсчёта при определении «концегубий» являлась сама губа, со стороны которой две косы, замыкающие губу, действительно являются её концами. Но вот какой из них является передним, определялся по другим признакам. Каковым, в нашем случае, может быть, на мой взгляд, лишь первый по времени подход кочей к одной из двух кос, замыкающих Анадырский лиман. А поскольку коса Гека была второй на пути кочей к югу от горла Анадырского лимана, то она явно не могла быть искомым передним концом. И это тем более верно, что знаменитая анадырская «моржовая корга» располагалась на Русской Кошке.

Правда, сам С. Дежнёв так и не указал, где – южнее или севернее горла Анадырского лимана, располагается эта самая «моржовая корга». Однако, не исключено, что дьяк, записывающий его рассказ при этом попросту опустил его сведения. Впрочем, как бы там ни было, в интерпретации данных С. Дежнёва появилась ещё одна разногласия.

И в самом деле, Л. С. Берг, например, говорил: *«Дежнёв стремился обеспечить за собой первенство в открытии знаменитой корги, или косы (Русской кошки), отделяющей Анадырскую губу от моря»* [Берг, 1920, с. 16]. Этому же мнению придерживался и М. И. Белов: *«Корга – морская отмель; здесь – коса Русская Кошка, расположенная в устье реки Анадырь и прикрывающая вход в реку с моря»* [1952, с. 129]. Хотя, в отличие от Л. С. Берга, он не подчёркивал, что Русская Кошка «прикрывает» от моря (от Анадырского залива, точнее) не устье реки Анадырь, а Анадырский лиман, который от устья реки Анадырь отделён заливом Онемен.

Иного мнения придерживались авторы коллективной монографии *«История Чукотки с древнейших времён до наших дней»*, которые утверждали: *«Здесь же, на корге (современное название – мыс Гека,*

земля Гека), Семён Дежнёв со спутниками встречался с приморскими жителями, возможно с кереками» [1989, с. 72]. Да и Б. П. Полевой, как уже говорилось, ссылаясь на мнение В. Г. Тана-Богораза и И. С. Вдовина, также считал, что дежнёвской «моржовой коргой» является земля Гека [1997а, с. 67].

Однако предположение о Русской Кошке, как об изначальной «моржовой корге» выглядит предпочтительнее, чем вариант с косой Гека. И прежде всего потому, что если бы до 1654 года землепроходцы собирали моржовые клыки на косе Гека, то в поисках нового лежбища они бы направились к северу – то есть, на Русскую Кошку. А также потому, что они и «якутскую бабу» также отбили только в 1654 году в керекском острожке Нигрин, обогнув при этом косу Гека с севера. Так что искомая «моржовая корга» действительно располагалась на Русской Кошке.

Кстати, в связи с плаванием С. Дежнёва по Анадырскому лиману в поисках моржовой корги, нелишне будет отметить, что Б. П. Полевой о появлении С. Дежнёва на устье реки Анадырь высказался так: «Вместе с тем непонятно, почему, по мнению Л. С. Берга, от «Русской кошки» до устья Анадыря дежневцы должны были идти пешком (это расстояние русские также проходили на кочах)» [Полевой, 1997а, с. 61]. И тем самым приписал С. Дежнёву плавание через Анадырский лиман к устью реки Анадырь ещё до крушения его коча.

Однако на самом деле своё первое плавание по Анадырскому лиману С. Дежнёв совершил лишь в 1652 году, когда он, на отстроенных в Анадырском острожке кочах, от устья реки Анадырь доплыл до Русской Кошки и открыл там моржовое лежбище. И только после этого русские землепроходцы стали более или менее регулярно плавать по Анадырскому лиману.

Тем не менее, Б. П. Полевой не только не обратил внимания на эти обстоятельства, но ещё и упрекнул Л. С. Берга в том, что тот «...не смог дать убедительного объяснения, почему Дежневу потребовалось, говоря о пути «от берегу до реки», особо отмечать, что «река Анадырь пала в губу» [1997а, с. 61]. А ведь Л. С. Бергу и не надо было в этом кого-либо убеждать, ибо об этом сказал сам С. Деж-

нёв: «...а идти от берегу до реки **недале**, потому что река Анадырь пала в губу» [ДАИ, 1851, с. 26]. И этот упрёк тем более странен, что Б. П. Полевой несколькими строками ниже сам привёл названное высказывание С. Дежнёва слово в слово.

Кстати, в связи со всем сказанным нелишне будет обратить внимание и на попытку Б. П. Полевого разобраться в ситуации со словом «недале».

Дело тут заключается в том, что дьяк, записывающий рассказ С. Дежнёва, слово «недале» написал, следуя правилам тогдашней грамматики. Хотя якобы и приписал при этом к последнему слову некий выносной значок, похожий, по мнению архивистки Т. Д. Лаврентовой, на буквы «ть» [Полевой, 1997а, с. 60].

Впрочем, как бы ни писалось это слово (слитно или отдельно, с одним «е» на конце или двумя, с буквами «ть» или без них), оно имеет одно и то же – недалеко от чего-либо – значение. Так что Б. П. Полевой, отказавшись своего изначального выражения – «не далее» в пользу «недалеть» [1997а, с. 60], всего лишь выбрал иной вариант написания этого слова.

То есть, подчеркну, хотя сам он и утверждал, что появление этого варианта имеет принципиальное значение [Полевой, 1997а, с. 64], на самом деле проблему с установлением месторасположения дежнёвского «переднего конца» эта игра слов так и не решила. А потому попробуем к этой задаче подойти с другой стороны – с установления места выхода дежнёвцев к реке Анадырь. Хотя скудность первичных данных существенно усложняет и эту задачу.

Итак, оказавшись на берегу Чукотского полуострова в 400–500 км от горла Анадырского лимана, казаки, не мешкая, соорудили из материала разобранного коча нарты и лыжи. А затем, прихватив с собой провиант и снаряжение (и, надо полагать, что этого снаряжения было взято немало, ибо, кроме весьма увесистых пищалей и боевых припасов к ним, казаки загрузили на нарты топоры, долота, тёсла, коловороты, верёвки и паруса, необходимые для сооружения и оснащения лодок и кочей, коих в последующем было построено несколько, а также топливо из запасов коча), в конце октября отправились в трудный поход к югу с перегруженными нартами.

Кстати, в связи с упоминанием о топливе следует отметить, что в литературе, касающейся длительных плаваний землепроходцев в северных морях почему-то не упоминается о том, что для приготовления пищи в таких случаях употреблялись не дрова, пусть бы и сухие, а древесный уголь. Поскольку, во-первых, он был в несколько раз теплотворнее, чем самые лучшие дрова (вспомним, что выплавка железа в Голландии, Англии, России и в других странах долгое время осуществлялась за счёт использования древесного угля). К тому же, во-вторых, древесный уголь был многим легче и меньше в объёме. Так что, наверняка, на кочах С. Дежнёва и Ф. Попова в качестве топлива использовали древесный уголь, который в том же Усть-Колымске (или выше по течению реки) заготавливали умелые люди. Как, например, «жгли уголь» на будущее плавание в урочище Ушки на Камчатке во время строительства бота «Св. Гавриил». Тем не менее, этого угля на борту дежнёвского коча на долгую зиму явно не хватило бы.

Что же касается самого похода, то после 10-недельного пешего перехода дежнёвцы остановились в наспех построенном зимовье на вынужденную зимовку. Но поскольку для сооружения зимовья потребовался лес, то располагаться оно могло только там, где было довольно много плавника. И таковым местом оказался северный берег Анадырского лимана. О чём сам С. Дежнёв сказал так «...а шёл я бедной Семейка с товарищи до Анандыры реки ровно десять недель, и попали на Анандырь реку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы бедные врозь разбрелись» [Из отписки якутскому воеводе Ивану Акинфову..., 1952, с. 131]. Но коль скоро временное зимовье было поставлено «внизу близко моря», то оно явно не могло стоять возле устья реки Анадырь, до которого от моря было три дня пешего пути.

Что же касается отделившихся от него людей, то далее С. Дежнёв сказал: «И вверх по Анандыре пошло двенадцать человек, и ходили дватцать ден, людей и аргишниц, дорог иноземских не видали и воротились назад и, не дошед за **три днища** до стану, обначевались, почели в снегу ямы копать. А с ними был промышленный человек Фомка Семёнов Пермьяк, учал им говорить, что де тут нам ночевать

нечего, пойдём де к стану к товарищам. И с ним Фомкою, только пошёл промышленный человек Сидорко Емельянов да Ивашко Зырянин, а достальные люди тут остались, потому что с голоду идти не могут. А приказали ему, Фомке, чтоб де я, Семейка, послал им постеленку спальные, и парки худые, чем бы де нам напитатися и к стану добрести. И Фомка и Сидорко до стану дошли (то есть, получается, что И. Зырянин умер на пути к лагерю С. Дежнёва – В. Б.), и мне, Семейке, сказали. И я, Семейка, последнее своё постеленка и одеялишка и с ним Фомкою к ним на Камень послал, и тех достальных людей на том месте не нашли, неведомо их иноземцы розвезли» [Из отписки якутскому воеводе Ивану Акинфову..., 1952, с. 131]. Из которого следует, что временное зимовье С. Дежнёва располагалось в **трёх днях** пути от места последнего становища отделившихся от него казаков. И что при этом без вести пропало 9 человек, которых «иноземцы неведомо (наверное – В. Б.) розвезли».

Однако М. И. Белов, отталкиваясь от этого же свидетельства, написал: «От устья Анадыря половина отряда направилась искать, «арчишниц» (следов кочевий – М. Б.) и «иноземских дорог», но после 20 дней бесполезных скитаний вернулись назад. Не дойдя **трёх вёрст** до того места, где их ждал Дежнев, промышленники вконец обессилели. Они вырыли в снегу глубокие ямы для ночлега, а на разведку послали Фому Семенова Пермяка, Сидора Емельянова и Ивана Зыряна, которые вскоре нашли Дежнева. В этот же день он послал бедствовавшим товарищам с Фомой Пермяком «последние свои «постелишко и одеялишко». Но Пермяк никого не застал на месте: «неведомо (наверное – В. Б.) их иноземцы развезли», замечает Дежнев. Таким образом, из 24 человек, пришедших на Анадырь, осталось только 15–16 человек» [1973, с. 123].

Понятно, конечно же, что появление в слове «арчишниц» буквы «ч» вместо буквы «г» является всего лишь обычной опечаткой. Тем не менее, изложение первичного материала своими словами привело М. Белова к тому, что он последнее пристанище ходивших по Анадыри 12 казаков «расположил» всего лишь в **трёх вёрстах** пути от стана самого С. Дежнёва, якобы находившегося, по его же мнению, в устье

(или вблизи) реки Анадырь. И, причём, на южном его берегу, так как, судя по карте самого М. И. Белова (рис. 2), отряд С. Дежнёва к реке Анадырь подошёл с юга.

Такого же мнения о выходе отряда С. Дежнёва к устью реки Анадырь с юга, и о его пребывании там придерживались и другие исследователи. К примеру, Н. Н. Зубов считал, что от Олюторского полуострова отряд С. Дежнёва вышел к устью реки Анадырь с юга, причём 12 казаков отделившихся казаков погибли неподалёку от его зимовья, располагавшегося на правом же (южном) берегу устья Анадыри [1954, с. 38].

Этой же точки зрения придерживался и А.С. Зуев [2002, с. 198], который так же не обратил внимания на то, что ушедшие на поиски местных жителей 12 землепроходцев при своём передвижении туда и обратно так и не обнаружили никаких следов пребывания аборигенов.

Однако летом 1649 года С. Дежнёв, следуя на построенных из плавника лодках, встретился с жителями корякского острожка, стоявшего неподалёку от устья реки Анадырь на её правом (южном) берегу. И это была первая встреча дежнёвцев с обитателями долины реки Анадырь. А так как 12 отделившихся от С. Дежнёва человек на своём пути от моря и обратно с жителями этого острожка не сталкивались, то это ещё раз говорит о том, что зимовье самого С. Дежнёва стояло на северном берегу Анадырского лимана, к которому отряд подошёл с севера, а не с юга.

В пользу этого вывода свидетельствует и тот факт, что с жителями острожка Нигрин, располагавшемся на косе Гека неподалёку от южного берега Анадырского лимана, землепроходцы впервые столкнулись лишь в 1652 году на моржовой корге Русской Кошки. О чём сам С. Дежнёв сказал так, «...прошлого ж 162 году, на корге ходили мы на Коряцких людей, что от той корги живут недалеко и на коргу под нас тайно убойства для приходят и зверя морского моржа промышляют для корму...» [ДАИ, 1981, с. 22]. Тогда как если бы, казаки обитали на южном берегу Анадырского лимана, то они столкнулись бы с жителями острожка Нигрин ещё зимой 1648–1649 годов.

Итак, перечисленные обстоятельства побуждают осветить ситуацию с походом 12 человек, отделившихся от С. Дежнёва, несколько отличным от общепринятого представления образом.

Дело в том, что все без исключения исследователи считали, что 12 отделившихся казаков ходили вверх по реке Анадырь. Совершенно не обращая при этом внимания на тот факт, что на своём 20-дневном пути туда и обратно они не встретили даже следов (аргишниц) пребывания аборигенов, не говоря уже об их острожках. И объяснить это можно только тем, что в свой поход 12 человек ходили не по реке Анадырь, а по реке Канчалан, устье которой расположено в 25 км к северо-востоку от устья Анадыри.

И действительно, как было показано выше, после своего пешего перехода с севера отряд С. Дежнёва остановился на зимовку неподалёку от моря на северном берегу Анадырского лимана. Именно на берегу Анадырского лимана, а не Анадырского залива, подчеркну лишний раз, ибо в противном случае казаки «моржовую коргу» Русской Кошки обнаружили бы ещё зимой. При этом, по словам самого С. Стадухина, от этого места до устья реки Анадырь было всего три дня пешего пути – то есть около 80 км, тогда как от южного берега Анадырского лимана до устья реки Анадырь расстояние почти в два раза (около 150 км) больше. То есть, временное зимовье С. Стадухина располагалось неподалёку от устья узкого и длинного (около 60 км) эстуария реки Канчалан (рис. 1).

Но коль скоро так, то, уйдя от зимовья С. Стадухина, 12 казаков, следуя берегом Анадырского лимана и эстуария реки Канчалан, вышли к устью реки Канчалан – самой большой на всём их пешем пути от залива Креста, реке. Устье которой располагается в 25 км от устья реки Анадыри. Отчего они, приняв эту реку за желаемую Анадырь, последовали вверх по её течению. Однако, дойдя до гор, в которых располагаются верховья Канчалани, они вынуждены были, спасаясь от голодной смерти, повернуть назад.

Кстати, поскольку в то время чукчи, издревле бывшие обитателями прибрежно-морских промысловых угодий, ещё только-только начали переходить к кочевому оленеводству, то они ещё не успели заселить

долину реки Канчалан. Хотя и вынудили оленных коряк отойти от неё к югу – за реку Анадырь. Вот отчего казаки и не обнаружили на своём пути ни селений, ни аргишниц (путей) аборигенов. Тогда как пойдя они по самой Анадыри, то непременно бы столкнулись с местными жителями. Ибо, как уже говорилось, летом 1649 года, неподалёку от устья реки Анадырь, на её правом (южном) берегу, С. Дежнёв обнаружил корякский острожек. А чуть выше по реке проживали анаулы и юагиры.

Достигнув на обратном пути устья реки Канчалан, девять человек, отправив за помощью трёх казаков, остались здесь бедовать в вырытых лыжами снежных ямах. Причём, надо полагать, вконец обессилив, они бросили нарты со всем походным снаряжением ещё не дойдя до места своего становища. Так что проходящие мимо оленные коряки обнаружив брошенные нарты, по следам казаков вышли на их становище и захватили их в плен.

К сказанному остаётся добавить, что оставшиеся во временном становище девять землепроходцев были теми самыми русскими людьми, об убийстве которых рассказали М. Стадухину коряки, пленённые им в районе Чаунской губы. Ибо кроме казаков коча С. Дежнёва никаких других русских на пространстве между рекой Анадырь и Чаунской губой в 1648–1649 годах не было, да и быть не могло. Тогда как вторым, выброшенным на камни, кочем, о котором коряки говорили М. Стадухину, был коч Г. Анкудинова. А поскольку люди с этого коча перебрались на другие суда, то чукчи, не обнаружив на выброшенном на берег коче Г. Анкудинова людей, решили, что они все погибли. Ну а затем «устная почта» донесла эту весть до Чаунской губы, где её, в искажённом виде, и получили казаки М. Стадухина.

Кстати, примерно такую же точку зрения высказал и Б. П. Полевой: *«Что же касается людей, которых коряки «побили», то это могли быть двенадцать ослабевших дежнёвцев, погибших где-то в верховьях Анадыря, сравнительно недалеко от Чаунской губы»* [Полевой, 1997а, с. 76]. Однако он при этом не обратил внимания на то, что эти 12 человек вновь вернулись к низовью Анадырской долины. И что пленённых, а затем и убитых, казаков было 9, а не 12 человек.

Таким образом, всё сказанное позволяет говорить о том, что отряд С. Дежнёва на берег Анадырского лимана действительно вышел с севера, а не с юга. А потому его суждение том, что его коч «...выбросило на берег в передний конец за Анадырь реку» [Отписка Якутскому воеводе Ивану Акинфову..., 1851, с. 26], вполне уверенно можно воспринимать как указание на то, что под этим самым «передним концом» он понимал Русскую Кошку, поскольку именно она оказалась первой на пути его кочей. И, тем самым, проблему с этим самым «передним концом» можно считать решённой

Что же касается последующих событий, то из оставшихся в зимовье С. Дежнёва людей в дальнейшем умерли ещё три человека, ибо летом 1649 года вверх по реке Анадырь, на построенных из плавника судах, отправились, включая самого С. Дежнёва, 12 казаков и промышленных людей.

Однако и это событие было проинтерпретировано по-разному. Например, Н. Н. Зубов считал, что С. Дежнёв поднялся вверх по Анадыри на лодках [1954, с. 38]. Тогда как М. И. Белов через 15 лет после него говорил, что «Дежнев не остался в низовьях реки, он направился в её верховья. Дорога туда оказалась на редкость трудной. В пургу и метели Дежнев потерял половину состава своего отряда. К месту, где было поставлено зимовье, с ним пришло 15 человек» [1969, с. 398]. И этот пример ещё раз показывает, что ошибки, в том числе и весьма принципиальные, в оценке похода отряда С. Дежнёва совершали даже самые квалифицированные исследователи. Другое дело, что ставить это им в вину не стоит – кто из нас не ошибался? Надо всего лишь отмечать сами ошибки и по возможности объяснять причину их появления.

Впрочем, М. И. Белов эту свою ошибку сам же и исправил, когда позднее написал: «Весной 1649 года, построив суда, горсточка смельчаков двинулась с низовьев реки вверх, к лесам» [1973, с.124]. Хотя и в этот раз он не заметил, что весной казаки лишь приступили к постройке судов (лодок), а потому в плавание к реке и вверх по самой реке они отправились летом, после прохождения ледохода и спада воды. К тому же историк так и не уточнил, что места будущего Анадырска достигли 12, а не 15 человек.

Поставив в 480 км от устья реки Анадырь зимовье, казаки собирали с жителей её долины ясак; встретили в 1650 году отряды С. Моторы и М. Стадухина; предприняли в том же году неудачную попытку отыскать реку Пенжина; дождалась ухода в 1651 году М. Стадухина и только в 1652 году отправились на отстроенных кочах к морю в поисках «моржовой корги», сведения о которой они получили из распросов жителей долины реки Анадырь.

На этот раз удача сопутствовала землепроходцам, и на берегу Анадырского залива они обнаружили богатейшую залежь «заморного рыбьего зуба», а также крупное лежбище моржей, о чём С. Дежнёв высказался следующим образом: *«И того ж 160 году пошли мы в судах на море, чтоб где государю учинить прибыль большая, и нашли усть той Анадыру реки корга, за рекою вышла в море...»* [Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах 1952, с. 126]. То есть, даже после двух плаваний по реке Анадырь, он горло Анадырского лимана именовал устьем реки Анадырь. Что и приводило исследователей к привязке выше названных событий к устью реки Анадырь.

Впрочем, открытие «моржовой корги», расположенной на Русской Кошке, является всего лишь одним из эпизодов долгого пребывания отряда С. Дежнёва на реке Анадырь, к числу которых, прежде всего, следует отнести попытку уплыть с собранным ясаком на Колыму. Которая не удалась из-за отсутствия надёжного судового такелажа. О чем сам С. Дежнёв говорил так: *«А во 161 году мы Семейка и Микитка с товарищи лес добыли, а хотели с государевой казною отпустить морем в Якуцкой острог, и яз Семейка с товарищи то ведаем, что море большое и сулои великие о землю близко (бьют), без доброй снасти судовой и доброго паруса и якоря, идти не смели, и иноземцы говорят: не по вся де годы льды от берегов относит в море; а горою через Камень государевы казны с невеликими людьми через многие неясачные люди разных родов выслать не смели...»* [ДАИ, 1851, с. 20].

И только в 1659 году С. Дежнёв с частью своих людей ушёл по Анадыри и Большому Анюю в Нижне-Колымск, откуда морем и рекой Лена он проследовал до Якутска, в котором оказался лишь весной 1662 года. Впрочем, к этому событию из жизни землепроходца я ещё вернусь, а пока перейду к анализу ситуации, связанной с судьбами людей других пяти кочей экспедиции Дежнёва–Попова.

СУДЬБА КОЧЕЙ ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ

Итак, как было показано выше, в описаниях плавания коча С. Дежнёва до места крушения, как и о выходе казаков к реке Анадырь, имеется довольно много разночтений и явных ошибок, обнаружение которых, как и объяснение причин их появления, позволяет несколько иначе осветить участь кочей Федота Попова, Афанасия Андреева и Бессона Астафьева.

Дело в том, что сам С. Дежнёв о пропавших людях сказал: *«И отгромил я, Семейка, у коряков (кереков – В. Б.) якуцкую бабу Федота Алексеева. И та баба сказала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты, и остались небольшие люди и побежали в лодках с одною душею, не знаю де куда»* [Из отписки якутскому воеводе Ивану Акинфову казака Семёна Дежнёва о походе на Анадырь..., 1952, с. 132].

И вот как проинтерпретировал это высказывание Б. П. Полевой: *«Если мы вспомним, что именно вблизи этого места, у которого была обнаружена Дежневым якутка, жена Федота Алексеева Попова, становится очевидным, что её муж умер от голода и цинги в этих местах»* [1997а, с. 67]. Добавив тут же, что *«В главе о путешествиях М. С. Стадухина будут приведены дополнительные доказательства того, что Федот Алексеев, Герасим Анкудинов и их товарищи закончили свою жизнь на корякском берегу Анадырского лимана»* [там же, с. 68]. А чуть далее однозначно заявил: *«Рассказ о русских, которые «жили де край моря», явно относится к группе Федота Алексеева,*

Герасима Анкудинова и их товарищей, действительно живших некоторое время в южной части Анадырского лимана, где-то неподалёку от дежневской моржовой корги» [1997а, с. 76].

Однако, как уже говорилось, люди Ф. Попова могли бы оказаться на южном берегу Анадырского лимана лишь в том случае, если бы их коч сумел (успел), спасаясь от шторма, войти в лиман через его горло. Причём за длинную зиму казаки наверняка бы узнали, что находятся всего лишь в 5 днях пешего пути от анадырского устья. А потому им не пришлось бы уплывать на лодках неведомо куда. К тому же, историк и сам чуть ранее утверждал, что Ф. Попов и Г. Анкудинов умерли на коряжском берегу Анадырского залива [Полевой, 1997а, с. 68].

Впрочем, если даже и предположить, что коч Ф. Попова был выброшен на косу Гека со стороны открытого моря (Анадырского залива), то и в этом случае выжившие люди непременно узнали бы о близости реки Анадырь.

Ну и, наконец, вряд ли можно сомневаться в том, что С. Дежнёв за пять лет пребывания в Анадырском острожке непременно узнал бы о пребывании людей Ф. Попова в районе косы Гека. Ибо так называемая «устная почта» аборигенов работала почти безупречно. О чём свидетельствует факт получения М. Стадухиным сведений о гибели двух кочей отряда Дежнёва–Попова уже на следующее лето после этих событий. И это при том, что он находился гораздо дальше от мест крушения кочей.

Так что, скорее всего, после того как пять кочей были пронесены по кругу мимо юго-западного берега Чукотского полуострова и западного берега Анадырского залива, они сильным северо-западным ветром, заходящим в тыл циклона, были вынесены в центральную часть Берингова моря. А когда буря стихла, люди Ф. Попова направили свой коч к северо-западу, вполне резонно полагая, что именно там располагается земля, от которой они были унесены. И, оказавшись вблизи нынешнего залива Корфа, они очередной бурей были выброшены на его берег в районе устья реки Алютора.

Но возможно ли таковое предположение? На мой взгляд, вполне. Во всяком случае, принципиально оно ничем не отличается от сужде-

ния Г. Миллера о выбросе коча С. Дежнёва около того же Олюторского полуострова.

И действительно, имея в своём распоряжении данные о выбросе возле Олюторского полуострова какого-то русского судна, Г. Миллер таковым судном посчитал коч С. Дежнёва [Экстракт..., 1950, с 259]. Но коль скоро и сам Г. Миллер, и другие исследователи допускали возможность отброса коча С. Дежнёва столь далеко к юго-западу от горла Анадырского лимана, то предположение о появлении в тогдашнем Олюторском море (в нынешнем заливе Корфа) коча Ф. Попова абсолютного отрицания вызывать не может.

Правда, в связи с этим возникает вопрос – а как при этом «якутская баба» оказалась в острожке Нигрин? Ответом на него может послужить напоминание о обычной для населения Северо-Востока практике обмена пленными между отдельными родами аборигенов. То есть, попав (после отплытия выживших людей Ф. Попова «неведомо куда») к оленным корякам долины реки Алютора, «якутская баба», постепенно переходя от одного рода коряк к другому, оказалась неподалёку от острожка Нигрин, где её обменяли на шкуры и мясо морских зверей. И такое многолетнее перемещение ясырки (пленницы) выглядит гораздо более вероятным, чем крайне трудный 10-недельный «нартный поход» отряда С. Дежнёва от устья той же реки Алютора к устью реки Анадырь.

Что же касается участи людей, уплывших на лодках «неведомо куда», то разобраться с этим нам поможет история с появлением названия «Русакова» на полуострове Камчатка.

И в самом деле, вот что говорил об этом С. П. Крашенинников: *«Чанук-кыг, которая вершинами сошлась с Палланом рекою, и от Уакамельяна острожка верстах в 18 разстоянием, почитается в числе знатнейших рек, как по своей величине, которою она Уке почти не уступает, так особливо, что Тойоны, которые владеют тамошним острожком происходят от Российского поколения, чего ради и река по них называется Русаковою, а кто таков был, от кого род имеет начало, про то заподлинно неизвестно, токмо сказывают, что Россияне, которые в тех местах жили, спустя несколько лет после Федота кочевщика туда прибыли»* [1994а, с. 52].

Почти то же самое утверждал и А. С. Сгибнев, располагавший, по его словам, некими материалами из Иркутского, Тобольского и Петербургского архивов, с которыми он имел дело по долгу службы: *«Впоследствии же открылось, что остальные казаки при благополучной погоде плыли подле берегов к югу, зимовали на р. Русаковой и на следующую весну пришли к р. Камчатке, где и расположились на жительство»* [Сгибнев, 2005, с. 9]. В том смысле – почти то же самое, что он «отправил» выживших людей вплоть до реки Камчатка.

На мой же взгляд, перезимовав возле устья Алюторы, и узнав при этом от местных жителей о существовании к югу от неё большой земли, оставшиеся в живых люди коча Ф. Попова на лодках уплыли на её поиски. Достигнув устья реки Чанук-кыг, они остановились там на очередную зимовку. Здесь один из казаков, прижив с местной женщиной ребёнка, остался жить, отчего впоследствии река Чанук-кыг и получила своё нынешнее название Русакова. Остальные же землепроходцы, прослышав от местных жителей о наличии тайги, расположенной в 10–15 днях пути к югу от реки Чанук-кыг, следующим летом ушли пешком к реке Еловка. А точнее, к её левому притоку – реке Уйкоаль, на которой, по данным С. П. Крашенинникова, стояли два русских зимовья. И не исключено, что именно эти два зимовья были поставлены выжившими людьми с коча Ф. Попова. Откуда они, узнав о западном море, перебрались на реку Тигиль, где, как указал С. П. Крашенинников, они были уничтожены коряками, которые, после кровавой драки русских друг с другом, перестали считать их смертными.

Кстати, говоря о плавании на лодках от устья реки Алютора до устья реки Русакова, следует добавить, что 200 лет спустя Карл Дитмар, вместе с проводником Иваном Шестаковым и пятью казаками, на вельботе длиной чуть более шести метров, проплыл около 600 км от Петропавловска до устья реки Камчатка за срок от 10 июня до 29 июля [Дитмар, 2009]. Так что казакам проплыть за лето на лодках около 350 км вдоль морского берега особого труда не представляло.

Но продолжу речь об участии торговых людей. Дело в том, что в истории Камчатки есть ещё одна проблема, которая также не нашла

однозначного решения. Это гипотеза о появлении Ф. Попова на реке Камчатка, впервые высказанная Г. Миллером. И которую Г. И. Спасский в своей «Истории плавания россиян из рек сибирских в Ледовитое море» переиначил буквально до абсурдности.

И в самом деле, говоря о «якутской бабе», он написал, что Ф. Попов: «...**вместе с нею** плыл на своём коче по **Пенжинскому морю** к разным народам с судами других купцов, от коих случившеюся погодою коч его отшибло и занесло на Камчатку, где застигла их зима, и на речке Никуле, впадающей в Камчатку, названной по мужу её Федотовкою, построили зимовье. По наступлении лета он обошёл Курильскую Лопатку и Пенжинским морем вошёл в реку Тигиль; там и умре, а оставшиеся после него люди все побиты» [Ефимов, 1950, с. 64–65; Ефимов, 1971, с. 96]. Приписав, тем самым, всем семи кочам отряда Дежнёва–Попова плавание к Камчатке по Охотскому морю, а кочу Ф. Попова – ещё и вояж вокруг Камчатки в обратном направлении. Но где она – Колыма, откуда началось плавание семи кочей, и где оно – Охотское море?

Впрочем, не менее странным во всём этом выглядит и то, что мои предшественники совершенно не обращали внимания на то, что якутская баба в принципе не могла знать название «Пенжинское море», ибо оно, с лёгкой руки М. Стадухина, появилось только в 1651 году. Причём более или менее известным оно стало лишь после прибытия М. Стадухина в Якутск в 1659 году.

Однако А. В. Ефимов, приведший вышеназванную цитату Г. Спасского, в своей уточняющей сноске к ней заметил, что жена Ф. Попова якобы оговорила, назвав Берингово море Пенжинским [Ефимов, 1950, с. 64].

Более того, опираясь на суждение Г. Спасского о плавании коча Ф. Попова в 1649 году в обратном направлении от реки Камчатки и о достижении при этом казаками рек Тигиль и Парень, А. В. Ефимов добавил: «Если эти данные верны, а **трудно предположить, что они измышлены, то во время похода уже почти сомкнулись оба ответвления колонизационного потока: северное – дежнёвское и южное – Москвитина**» [Ефимов, 1950, с. 65; Ефимов, 1971, с. 96].

Но в том-то и дело, что Г. Спасский, говоря о плавании Ф. Попова вокруг Камчатки, всего лишь по-своему переиначил (измыслил) мнение Г. Миллера, который в своей работе «Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран» о пребывании Ф. Попова на Камчатке говорил: *«Сюды приличествует носящийся между жителями на Камчатке слух, которой от всякого, кто там бывал, подтверждается, а именно сказывают, что много лет до приезде Володимера Отласова на Камчатку, жил там некто Федотов сын на реке Камчатке на устье речки, которая и ныне по нём Федотовкою называется и прижил де с камчадалкою детей, которые де потом у Пенжинской губы, куда они с Камчатки реки перешли, от коряков побиты. Оной Федотов сын по всему виду был сын вышеупомянутого Федота Алексеева, которой по смерти отца своего, как товарищи его от коряков побиты, убежал в лодке подле берегу и поселился на реке Камчатке; и ещё в 1728 году в бытность господина капитана командора Беринга на Камчатке видны были признаки двух зимовей, в которых оной Федотов сын со своими товарищами жил»* [Экстракт..., с. 260].

Впрочем, и сам Г. Миллер, также, пусть бы и невольно, искажил реальность, ибо уже в наше время Б. П. Полевой, отталкиваясь от данных архивных материалов, убедительно показал, что в экспедиции С. Дежнёва ни взрослого сына, ни брата Ф. Попова не было [1997а, с. 42]. А потому предположение о пребывании на реке Никулка сына Ф. Попова, якобы приплывшего туда на лодке, также отпадает.

Тем не менее, версию о пребывании коча Ф. Попова на реке Камчатка, а также о его плавании вокруг полуострова на этом же коче, повторяли многие исследователи и краеведы. В частности, очень настойчиво её проводил в жизнь ленинградский историк И. И. Огрызко, который об этом написал: *«На составленном самим Козыревским чертеже полуострова Камчатки, у реки «Федотовщина», его же рукою нанесён следующий текст: «Зимовья два были. В прошлых годах из Якутска города морем на кочах были на Камчатке люди, а которые у них в аманатах сидели, те камчадалам и сказывали, а в наши годы с оных стариков ясак брали, два коча сказывали, и зимовья знать*

и поныне» (ЦГАДА, портфель Миллера, д. 533, тетр. 8, л. 5). Таким образом, современник Атласова Козыревский передаёт свидетельство очевидцев, то есть камчадалов, которые сами видели этих первых русских на Камчатке. Очень важным является указание и на то, что эти первые русские люди приехали из Якутска не сушей, а морем и что их помнили только старики. Если иметь в виду, кроме того, что весь этот текст Козыревский помещает на чертеже у реки «Федотовицина», то станет совершенно ясно, что речь идёт об отряде Федота Алексева, отбившегося от экспедиции Семёна Дежнева и достигшего берегов Камчатки.

Благодаря этому исключительно ценному сообщению Ивана Козыревского, посещение Федотом Алексеевым Камчатки является **неоспоримым** фактом. Если Владимир Атласов был завоевателем Камчатки, то Федот Алексеев был первым русским человеком, который там побывал» [Крашенинников, 1949, с. 474–475]. Вот так-то – **неоспоримым** – и всё тут.

Однако ещё сам С. П. Крашенинников, усомнившись в представлении своего научного руководителя о пребывании некоего Федота на реке Никулка, по этом случаю говорил: «Но кто первой из Российских людей был на Камчатке, о том не имею достоверного свидетельства; а по словесным известиям приписывается сие некакому торговому человеку Федоту Алексеву, по котораго имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовициною называется: будто он пошёл из устья реки Колымы Ледовитым морем в семи кочах, будто погодою отнесён от других кочей и занесён на Камчатку, где он и зимовал со своим кочем, а на другое лето обошед Курильскую лопатку дошёл Пенжинским морем до реки Тигиля, и от тамошних Коряк убит зимою со всеми товарищи...» [1994б, с. 190].

И тут же добавил: «Но в рассуждении бытности его (Ф. Попова – В. Б.) на Камчатке, и что Никул речка Федотовициною по имени его называется, несколько сумнительно; ибо в той же отписке (в отписке С. Дежнёва – В. Б.) показано, что в 7162 году ходил он Дежнев возле моря в поход, и тбил у коряк якутскую бабу помянутого Алексева, которая ему сказывала, что Федот с одним служивым цын-

гою умерли, а остальные товарищи их побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках одной душою; а куды неведомо» [там же, с. 191]. И тем самым вроде бы отказал версии о пребывании Ф. Попова на реке Камчатка право на существование.

Но именно – вроде бы, так как он, буквально тут же, оттакаясь от тёмных слухов, написал: *«Но разность в известиях кажется от-вращена быть может, ежели положить, что Федот с товарищи не на Тигиле погиб, но между Анадырем и Олюторским (полуостровом – В. Б.); ибо таким образом не противно будет известиям, когда представим себе, что он и на Камчатке зимовал с кочем своим, и вокруг Лопатки доходил до реки Тигиля, что оттуда обратно следовал к Анадырску или морем или сухим путём по Олюторскому берегу и на пути умер, а прочие его товарищи или побиты, или безвестно пропали, хотя (желая – В. Б.) от убийства избавиться»* [1997б, с. 191–192]. Предположив, тем самым, что Ф. Попов якобы появился на Олюторском берегу уже после пребывания его коча на реках Камчатка и Тигиль.

Однако Б. П. Полевой по поводу этого представления великого натуралиста вполне справедливо заметил, что *«...невозможно себе представить, что попавшие в кораблекрушение Федот Алексеев и его товарищи до своей скорой смерти успели ещё побывать на далёкой Камчатке и затем почему-то вернуться назад»* [Полевой, 1999, с. 6]. И с этим мнением историка остаётся лишь согласиться.

Ну и наконец, ради интереса, стоит привести ещё два суждения С. П. Крашенинникова на эту тему. Поскольку они наглядно показывают, как существенно поменялись первичные, основанные всего лишь на тёмных слухах, взгляды бывшего студента после его ознакомления с подлинными материалами С. Дежнёва.

«Прежде завоевания Камчатской землицы, сперва бывал в оной землице промышленный человек Федот кочёвщик в 17 человеках, который из устья Ленского пошёл с промышленным же Фомою называемом в 7 кочах; из оных кочей два пришли в устье Анадыря реки, под командою Фомы промышленного, и поселились в Анадырском остроге, которой в то время ещё вновь заводился, а третий коч, на котором Федот

был, обошед Чукотский нос, пришёл в устье Камчатки реки и по одной вверх дошёл до впадающей в неё по течению с правой стороны Иколки речки, которая имеется в верстах 50 (на самом деле в 100 – В. Б.) ниже Верхнего острога, а остальные 4 коча без вести пропали.

На устье упомянутой речки Иколки Федот с товарищи, поставив зимовье, зимовал, а весной на том же коче из устья Камчатки реки в море вышел и, обошед Курильскую лопатку, шёл по Пенжинскому морю до реки Пареня, где он с товарищи зазимовал, и той зимы от брата своего за ясырку зарезан, а потом и все от коряк побиты» [Крашенинников, 1949, с. 740].

Повторил он всё сказанное и в другой своей черновой рукописи: «Прежде завоевания Камчатской земли сперва бывал в одной земле промышленный человек Федот кочёвщик в 17 человеках, которой из Ленского устья пошёл с промышленным же Фомою называемым в 7 кочах, из оных кочей два пришли в устье Анадыря реки под командою Фомы промышленного, и поселились в Анадырском остроге, которой в то время ещё вновь заводился, а третий коч, на котором Федот был, пришёл в устье Камчатки реки, и по одной реке вверх дошёл до впадающей в неё по течению с правой стороны Никул речки, которая имеется вёрстах в 100 ниже Верхнего острогу и ныне Федотовициною называется, а остальные 4 коча без вести пропали.

На устье упомянутой реки Никул Федот с товарищи зимовал, а весной на том же коче из устья Камчатки в море пошёл и, обошед Курильскую лопатку, шёл по Пенжинскому морю до реки Пареня, где он с товарищи зазимовал. И той зимы от брата своего за ясырку зарезан, а потом и все оставшие от коряк побиты» [там же, с. 750].

То есть, как можно видеть, первоначально С. П. Крашенинников посчитал основателем Анадырского острога не Семёна Дежнёва (о котором он даже не упомянул), а промышленного человека Фому Пермяка, якобы приплывшего к устью реки Анадырь на двух кочах. И поменял он эту свою точку зрения лишь после ознакомления с отпиской С. Дежнёва, копию которой он получил от Г. Миллера.

Тем не менее, представление о пребывании людей Ф. Попова (но не самого Попова) на Камчатке полностью отвергать не стоит, ибо

слухи об их появлении на реке Тигиль и на севере Пенжинской губы на пустом месте возникнуть не могли. А потому эту часть событий можно представить следующим образом.

После того как буря стихла, два из четырёх оставшихся кочей торговых людей, лишившись мачты, парусов и вёсел, были отброшены в сторону Аляски. И скорее всего, пропали без вести, хотя в историографии открытия Северной Америки и до сих пор муштруется представление о том, что экипаж одного из этих кочей якобы смог обосноваться на реке Хеврен (ныне – Юкон).

В частности, авторы коллективного исследования «История открытия и исследования советской Азии» по этому поводу написали: *«Американские археологи обнаружили на Аляске остатки рубленых изб, построенных в типично русской манере XVI–XVII вв. Обнаружение этих изб в сопоставлении с рассказами индейцев Аляски о живших среди них и неизвестно откуда взявшихся бородатых белокурых людей даёт основание предполагать, что, возможно, это были пропавшие в Чукотском море спутники Дежнёва, занесённые бурей к северным берегам Аляски»* [Азатьян и др., 1969, с. 272].

Кстати, упоминание авторов этой монографии о крушении коча (кочей) «белокурых бородатых людей» в Чукотском (а не в Беринговом, как это было на самом деле) море закономерно предполагает «занесение» этих белокурых бородачей на северный берег Аляски, где жили и до сих пор живут эскимосы, а не на её юго-западный берег, где обитали индейцы. Однако сами авторы этого своего противоречия не заметили. Как не заметили подобного же противоречия и те исследователи, которые считали, что «белокурыми бородачами», оказавшимися на берегах Аляски, были люди 4 кочей, якобы унесённых бурей ещё на пути к мысу Дежнёва. И это при том, что на самом деле до мыса Дежнёва дошли 7, а Беринговым проливом прошли 6 кочей.

Но коль скоро считается, что один или два коча торговых людей могли достичь берегов Северной Америки, то полностью отрицать возможность появления на Камчатке двух кочей, сохранивших способность самостоятельного продвижения, не стоит. В том числе и по-

тому, что С. П. Крашенинников говорил об одном коче, заходившем в реку Камчатка, тогда как И. Козыревский упоминал о заходе в неё двух кочей. А потому не исключается, что таковыми двумя кочами, прошедшими зиму 1648–1649 годов на реке Никулка (Федотиха), действительно могли быть два коча из пяти, унесённых от берегов Чукотки в центральную часть Берингова моря. И это предположение тем более вероятно, что оно достаточно логично позволяет объяснить появление слухов о двух кочах, вошедших в реку Камчатка, об их плавании с востока на запад вокруг мыса Лопатка и о появлении русских землепроходцев возле реки Парень.

Правда, Б. П. Полевой считал, что на реке Никулка в зиму 1662–1663 годов были два коча И. М. Рубца [Полевой, 1997б]. Однако против этой версии можно высказать следующие соображения. Во-первых, якобы поднявшись высоко вверх по реке Камчатка и пробыв на ней всю зиму, И. Рубец ни слова не сказал об обилии рыбы в этой реке, хотя на ней от конца августа и до конца декабря (и даже позже) аборигены ловили позднего (зимнего) кижуча. Во-вторых, ничего не сказал он и о вулканах Ключевской группы, хотя и по своей высоте, и по внешнему облику они резко отличались от гор Северо-Востока. Вспомним, как был удивлён высотой и внешним видом этих вулканов В. Атласов, подобных, по его словам, санным стогам и скирдам. К тому же, проведя полгода на реке Никулка, казаки И. Рубца наверняка бы сталкивались с жителями большого ительменского острожка Щапин (Шепень), стоявшего на реке Щапина в 12–15 км от ключей, дающих начало реке Николка. А ведь они наверняка бы рассказали казакам и об обилии рыбы в тех местах, и об извержениях «горящих сопок».

Однако ничего подобного И. Рубец не говорил. Как не говорил он в своей челобитной от 1668 года о наличии в долине реки Камчатка настоящей лиственничной тайги и об обилии в этой тайге соболя. Хотя утаить таковые сведения он никак не мог, ибо за это жестоко наказывали. Доложить же властям об утайке мог любой из недовольных им казаков. Не говоря уже о том, что какой-нибудь подвыпивший казак мог попросту проболтаться об этом в трактире.

Но коли так, то, скорее всего, И. Рубец зимовку 1662–1663 годов провёл на реке Пахача, где соболей было больше, чем на реке Анадырь, но меньше, чем на Камчатке. И где он добыл соболей, со шкурками которых и вернулся на Анадырь. При этом, узнав во время своих предыдущих походов на реку Уда и Индигирка, что река Камчатка располагается к югу от реки Колыма, он реку Пахача, располагающуюся на такой же широте, как и реки, впадающие в северную часть Охотского моря, посчитал за известную ему реку Камчатка. И посчитал так потому, что землепроходцы тех времён широту местности достаточно точно определяли по солнцу, тогда как долготу они определяли в днях пути, из-за чего сплошь и рядом ошибались на десятки и сотни км даже при осуществлении сухопутных походов.

Ну и, наконец, о пребывании И. Рубца в районе реки Пахача говорит и то, что он в заложники взял, по его же словам, **корякского** малого «Петрушку». То есть, не ительменского, а корякского малого. А ведь, как известно, В. Атласов сразу же и безоговорочно отделил ительменов (камчадалов, в его определении) от коряков. И, надо думать, что И. Рубец и его казаки также были достаточно наблюдательны для того, чтобы суметь отличить ительменов от коряков, побывав они на реке Камчатка.

Вот отчего более логичным выглядит предположение о том, что двумя судами, вошедшими в реку Камчатку в 1648 году, были два из пяти кочей, унесённых ветрами от берегов Чукотки в центральную часть Берингова моря. Откуда мореходы, постепенно передвигаясь к западу, оказались в устье реки Камчатка. И узнав из расспросов местных жителей о том, что в долине реки располагаются таёжные леса, поплыли по ней вверх. А когда доплыли до реки Никулка, в которой обитало довольно большое количество зимнего кижуча, остановились там на зимовку.

Правда В. П. Кусков считал, что кочи Ф. Попова по реке Камчатке не могли подняться так высоко потому, что река в верхней своей половине замерзает ещё в начале октября [1966, с. 98]. Однако, замечу, даже реки, впадающие в северную часть Охотского моря, замерзают лишь в конце октября – начале ноября [Север Дальнего Востока, 1970,

с. 198]. Так что в нижней половине долины реки Камчатка, где средняя суточная температура воздуха через 0° переходит лишь в середине октября [Кондратюк, 1974, с. 159], река Камчатка и её притоки начинают замерзать в начале ноября. А потому за срок от конца сентября (со времени бури, разнёсшей кочи по разным сторонам) и до начала ноября (замерзание реки Камчатка) кочи торговых людей вполне успели бы достичь устья реки Камчатка и подняться по ней до реки Никулка.

Что же касается дальнейших событий, то, пробыв на Николке всю зиму, торговые и промышленные люди узнали от ительменов о море, расположенном на другой стороне полуострова. Так что следующим летом они на отремонтированных кочах отправились в плавание во-круг Камчатки. И побывав при этом на реке Тигиль, в конечном счёте доплыли до Пенжинской губы. Где их кочи во время шторма или тумана (очень частых в тех местах) мощным (до 10 м по высоте и до 5–7 км/час скорости) приливом были выброшены на прибрежные скалы или подводные камни полуострова Тайгонос. Откуда выжившие землепроходцы пешком добрались до реки Парень и там были уничтожены коряками. А дошедшие до русских тёмные слухи об этом событии трансформировались затем в представление о том, что это именно Ф. Попов, якобы пребывая со своей командой на реке Парень, был зарезан своим братом из-за ясырки.

Так, на мой взгляд, завершилась эпопея с двумя кочами отряда Дежнёва–Попова и их экипажей.

ДАЛЬНЕЙШИЕ СЛУЖБЫ С. ДЕЖНЁВА

Итак, в предыдущих главах я попробовал несколько иначе осветить основные обстоятельства деятельности С. Дежнёва до и во время похода к реке Анадырь. Так что теперь можно обратиться к анализу его пребывания на самой Анадыри, а также к последующей деятельности в других местах Якутского воеводства. И в качестве зачина приведу высказывание С. Дежнёва о природных условиях долины реки Анадырь: *«А река Анадырь не лесна и не рыбна, соболей на ней мало, с вершины малой листовяк днище на шесть или на семь, а иного чёрного леса нет никакого, кроме березняка и осинника, а от Малого Маена кроме тальника нет лесу никакого, а от берегов лесу не широко, всё тундра да камень. А рыбы красной приходит много, и та рыба внизу Анадыру от моря идёт добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анадыру реки, и назад к морю не выплывает, а белой рыбы добываем мы мало, потому что сетей добрых у нас нет, емлем мы новые сети ценою в долг рублёв по пятнадцати и больше; а государевых аманатов тою красною рыбой мы (кормить – В. Б.) не смеем, потому, чтоб им, с того нужного корму оцинжав не помереть, и нам бы, от государя за то в опале и в казни не быть, а на сем мы их и кормим потолуку (только) белую рыбой»* [Отписка якутскому воеводе Ивану Акинфову служивых людей Семёна Дежнёва и Никиты Семёнова о походе на реку Анадырь..., 1851, с. 22]. Ибо из него следует, что растущий на пределе возможности пойменный лес реки Анадырь был очень скуден по запасам пушного зверя в целом, и соболем – в особенности.

Вот отчего, в надежде отыскать более добычливые уголья, а также для приведения к ясаку местных жителей, С. Дежнёв сразу же после строительства зимовья предпринял несколько походов по реке Анадырь. Узнав при этом, что выше зимовья произрастает «чёрный лес» (редкостойная лиственничная тайга) и что в долине самой Анадыри обитают юкагиры и анаулы; а иногда, проходом, появляются коряки и чукчи.

Кстати, именно по результатам этих и других походов им, позднее, был создан чертёж долины реки Анадырь от корги, где морж «вылегалет», и до Камня (хребта), за которым находится река Большой Анюй. Однако, к сожалению, этот чертёж был утерян. А ведь он мог существенно уточнить наши представления о походе С. Дежнёва – в том числе, не исключено, и о месте выброса его коча на берег, и о расположении «моржовой корги».

В это же время, 29 июня 1649 года, русские люди, обитавшие на Колыме, взяли в плен анюйского юкагира Ангара, который в «респросе» рассказал, что по реке Большой Анюй можно выйти на реку Анадырь. И по наказу колымского приказного Василия Власьева 1 марта 1650 года отряд из 9 служилых и 30 промысленных людей, под руководством Семёна Моторы, который годом раньше уже пытался выйти на Анадырь, отправился на её поиски. Вслед за ним самовольно отправился и М. Стадухин, в отряде которого, кроме самого атамана, было 60 человек. 23 апреля оба отряда дошли до Анадырского острога [ДАИ, 1851, с. 18]. При этом С. Мотора со своим отрядом остался в острожке С. Дежнёва, а М. Стадухин проследовал мимо и остановился несколько ниже по течению, скорее всего, возле устья Малого Майна.

Таким образом, численность русских людей на реке Анадырь разом возросла до 112 человек, жаждавших приобщиться к сбору ясака с местных жителей. Из-за чего между С. Дежнёвым и С. Моторой, с одной стороны, и М. Стадухиным, с другой, возникли распри по поводу того, кто из них имел право собирать ясак. В результате с одних и тех же аборигенов – с тех же анаулов, например, ясак сплошь и рядом брали дважды. Так что анаулы не выдержали притеснений

и уничтожили 10 человек из отряда М. Стадухина, посланных для вторичного сбора ясака. А когда М. Стадухин попытался наказать непокорных, часть анаулов ушла в горы.

Поняв, что на особые успехи в сборе ясака рассчитывать не приходится, М. Стадухин решил уйти на поиски реки Пенжина, которая, по слухам, считалась «собольной рекой». Однако раньше него на поиски этой реки ходили С. Мотора и С. Дежнёв, которые обосновали это следующим образом: *«И мы, служивые и промышленные люди Семён Мотора и яз, Семейка Дежнев с товарищи, служилыми и промышленными людьми, бегаючи и укрываючи от его, Михайлова изгони, пошли осенью (1650 года – В. Б.) нартным путём вперёд, на захребетную реку Пянжын, для приску и приводу под государеву царскую высокую руку вновь неясчных людей, и у нас на ту реку ведомых вожей не было, а ходили мы 3 недели и реку не нашли. И мы, видя нужную, голодную и холодную смерть, назад на Анадырь возвратились»* [ДАИ, 1851, с. 18].

Кстати, поскольку этот поход был осуществлён «нартным путём», то произойти это могло лишь после начала октября. То есть, после того, как в тех местах образуется постоянный снежный покров и окончательно замерзают реки. И обратить внимание на это потребовалось потому, что А. С. Зуев о сроках этого похода высказался совершенно иначе: *«Тем же летом Дежнёв и Мотора ходили на поиски «захребетной реки» Пенжины, но не нашли её»* [Зуев, 2002, с. 202].

Что же касается М. Стадухина, то он, во главе 50 служилых и промышленных людей, 9 февраля 1651 года ушёл на поиски Пенжины. После чего обстановка на реке Анадырь нормализовалась. Однако невозможность сбора достаточно большого количества пушнины побудила оставшихся на Анадыре казаков к поискам других способов пополнения государевой казны. И с этой целью служилые и промышленные люди отрядов С. Моторы и С. Дежнёва построили два коча и отправились на них к морю в поисках моржей, данные о которых им стали известны из расспросов аборигенов. О чём сами казаки сказали, так: *«И тогож 160 году пошли мы в судах на море, чтобы где государю учинить прибыль большая, и нашли усть той Анадыру реки*

корга, за губою вышла в море, а на той корге много вылегает морской зверь морж, и на той же корге заморской зуб зверя того, а мы служилые и промышленные люди того зверя промышляли и заморной зуб брали, а зверя на коргу вылегает добру много, на самом мысу вкруг с морскую сторону на пол версты и больше места, а в гору сажень на тридцать и на сорок, а весь зверь с воды с моря на землю не вылегал, в море зверя добре много у берегу» [ДАИ, 1851, с. 19].

О том, что обнаруженная «корга» располагалась на морской стороне Русской Кошки уже говорилось. А потому к сказанному остаётся добавить, что собранных моржовых клыков оказалось настолько много, что казаки, для того чтобы вывезти их в Якутск, предприняли попытку осуществить это морским путём. И с этой целью ими были построены два морских коча. Однако из-за отсутствия добротной судовой снасти они от этого замысла отказались: *«А во 161 (в 1653 – В. Б.) году мы Семейка и Микитка с товарищи лес добыли, а хотели с государевой казною отпустить морем в Якуцкой острог, и яз Семейка с товарищи то ведаем, что море большое и сулои великие о землю близко (бьют), без доброй снасти судовой и доброго паруса и якоря, идти не смели, и иноземцы говорят: не по вся де годы льды от берегов относит в море; а горою через Камень государевы казны с невеликими людьми через многие неясачные люди разных родов выслать не смели»* [ДАИ, 1851, с. 20].

Тем не менее, в конце того же 1654 года, С. Дежнёв и С. Мотора решились отправить в Нижне-Колымск казака Данилу Филиппова с несколькими служилыми и промышленными людьми. С которыми были отосланы некоторое количество пушнины, пуд моржовой кости и челобитная с отчётом о деятельности на Анадыри.

Кстати, как справедливо отметил М. И. Белов, именно данные этой челобитной С. Дежнёва является самым важным свидетельством (доказательством) того, что русские люди в 1648 году действительно совершили плавание вокруг Чукотского полуострова [1973, с. 130–131].

В зиму 1654–1655 года небольшой отряд Д. Филиппова успешно достиг Нижне-Колымска. А летом 1655 года он, на коче колымского таможенного целовальника Семёна Шубина, доплыл до Жиганска

и оттуда на нартах отправился в Якутск [Белов, 1973, с. 131]. Якутский воевода Михаил Лодыженский тут же отослал моржовую кость в Москву. И уже в этом же 1655 году Якутская съезжая изба получила из Москвы строгий наказ всеми мерами поощрять Анадырский моржовой промысел [там же, с. 131].

Тем временем события на реке Анадырь развивались следующим образом. 25 апреля 1654 года к Анадырскому зимовью вышел отряд Юрия Селиверстова. И на Анадыри вновь сложилась напряжённая ситуация, связанная с разделением полномочий и прав на сбор ясака и моржовой кости. Однако после гибели летом 1655 года попавшего в бурю коча с 14 промышленников из отряда Ю. Селиверстова во главе с Павлом Кокоулиным, Ю. Селиверстов поздней осенью 1655 года ушёл через Анюйский хребет на Колыму. Почти одновременно с ним, но отдельно, ушли Евсей Павлов, которому С. Дежнёв поручил доставить в Якутск «соболиную и косяную казну», а также сопровождающие его Анисим Костромин, Федот Ветошка, Василий Бугор и другие промышленные люди. Зимой следующего года Е. Павлов доставил ясак и моржовую кость в Якутск. А заодно и очередную челобитную С. Дежнёва, в которой тот просил прислать ему замену. Но только 29 мая 1659 года боярский сын Курбат Иванов принял у него Анадырское зимовье с аманатами. А ещё через год, в апреле-мае 1660 года С. Дежнёв со 156 пудами и 17 гривенками «моржовой кости» вернулся в Нижне-Колымск [Белов, 1973, с. 139]. Завершив тем самым своё 12-летнее путешествие от Колымы к Анадыри и обратно.

На следующий год, погрузив свой ценный груз на коч якутского приказного Ивана Ерастова, возвращающегося со службы, С. Дежнёв отправился вместе с ним в Якутск, куда он и прибыл, после вынужденной зимовки в Жиганске, весной 1662 года. А поскольку в якутской приказной избе не нашлось денег для того чтобы расплатиться лично с ним за добытые моржовые клыки, то власти Якутска в 20-х числах июля 1662 года включили С. Дежнёва, в состав отряда И. Ерастова из 16 человек, сопровождающего «государеву казну» в Москву [Белов, 1973, с. 140]. В июле 1663 года отряд достиг Тобольска, 12 ноября 1663 года казаки прибыли в Верхотурье, но только в сентябре

1664 года они оказались в Москве, где сдали ясак и отчитались за свою деятельность.

В частности, С. Дежнёв подал челобитную, в которой кратко рассказал о своём походе на реку Анадырь и о результатах 12-летнего пребывания на ней. Указав при этом, что он 19 лет ходил в походы за свой счёт, не получая при этом положенного жалования: *«Подымался я, холоп твой, на ту, твою, великого государя, службу на те новые реки своими деньгами и своими подъямы, и будучи на той вашей, великого государя службе, поднимаючись собою, и служил тебе, великому государю, много времени без твоего, великого государя, жалования, имал иноземцов и аманатов, голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал, холод и голод великие терпел и помирал голодною смертью, и на той службе будучи и от морского розбою обнищал и одолжил великими неокупными долги и в тех долгах вконец погибаю»* [Белов, 1973, с. 142–143]. Челобитная была принята к сведению. И царским указом казаку за 19 лет службы было уплачено 126 рублей 6 алтын и 5 денег, из которых 86 рублей 17 алтын и 3 денег приходилось на выданное сукно. А за 31 пуд 39 фунтов личной «моржовой кости» ему отдельно было оплачено соболями на сумму в 500 рублей [там же, с. 144].

13 февраля 1665 года С. Дежнёв подал ещё одну челобитную, в которой он просил за свою службу «поверстать» его в сотники или в какую-нибудь другую подобную должность. А поскольку в Якутском воеводстве на тот момент все три должности сотника были заняты, то С. Дежнёву присвоили чин казачьего атамана, который по рангу был практически равен чину сотника.

В начале марта 1665 года И. Ерастов и С. Дежнёв с большой «государственной денежной казной», которую им было поручено доставить в Якутскую приказную избу, выехали из Москвы. И не позднее июля 1666 года они прибыли в Якутск.

Вторую половину лета и осень 1666, а также зиму 1666–1667 годов С. Дежнёв провёл в Якутске. Этой же зимой, после смерти своей первой жены Абакаяды Сичю, он женился во второй раз на Кантеминке Архиповой. От первой жены он имел сына Любима, а от второй – сына Афанасия, воспитывая при этом пасынка Осипа Архипова.

Весной и летом 1667 года С. Дежнёв служил на Чечуйском волоке. После возвращения с волока в Якутск он сразу же был назначен приказным Оленёкского зимовья [Белов, 1973, с. 147]. Во главе небольшого отряда С. Дежнёв летом этого же 1667 года отплыл туда и осенью прибыл на новое место службы, в который уже раз оказавшейся трудной, голодной и холодной [там же, 150].

Тем не менее, С. Дежнёву удалось успешно (с изъятием недоимок за прошлые годы) собрать ясак, с которым он в 1668 году вернулся в Якутск, откуда он вновь был отправлен за сбором ясака – на этот раз в Верхоянское зимовье. О чём М.И. Белов написал так: *«После возвращения с Оленёка в Якутск, Дежнев получил назначение в Верхоянское зимовье, откуда привёз ясак за 1699/70 год. Это случилось до 7 июля 1669 года, так как под этим числом имя атамана Дежнева внесено в список тех служилых людей, «которые были налицо»* [Белов, 1955, с. 111; 1973, с. 150]. 20 июля 1670 года он был послан якутским воеводой Иваном Борятинским для сбора ясака в Средне-Вилуйское зимовье [Белов, 1973, с. 150], где он пробыл до начала весны 1670 года. И это был последний поход знаменитого землепроходца.

20 июля 1670 года Иван Борятинский назначил С. Дежнёва начальником отряда, сопровождавшего в Сибирский приказ ясак, собранный на этот год. До Ламского волока отряд С. Дежнёва добирался два месяца. Зиму 1670–71 годов казаки провели, дожидаясь вскрытия рек, в Илимске. Оттуда казаки сплавились в Енисейск и, не мешкая, отправились в Тобольск, куда прибыли 26 июня 1671 года. И только 25 декабря 1671 года С. Дежнёв оказался в Москве, где он после длительной болезни скончался в начале 1673 года [Белов, 1973, с. 151].

Так, неожиданно буднично завершилась жизнь этого выдающегося землепроходца. В том смысле неожиданно, что он не умер от стужи, голода и болезни (цинги), как, например, казаки отряда Ивана Ермолина в 1670 году на реке Гижига; не сгинул безвестно во время плаваний по бурным рекам и морям, как десятки других землепроходцев; и не был сражён меткой стрелой или ударом копья аборигена, как его напарник и начальник М. Стадухин в сентябре 1666 года. Хотя и получил немало ранений во время жестоких схваток с туземцами. Так что, несмотря на все, порой невероятные, трудности и опасности, встреченные им на своём жизненном пути, судьба С. Дежнёва сложилась вполне терпимой. И более чем достойной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подводя итог, можно говорить о том, что изложенные мною версии о крушении коча С. Дежнёва восточнее залива Креста, а коча Ф. Попова на берегу Олюторского залива; о пребывании выживших людей Ф. Попова на реках Русакова, Еловка и Тигиль, а также о заходе в реку Камчатка двух кочей торговых людей из отряда Дежнёва–Попова достаточно удовлетворительно обрисовывают ситуацию с разнесом кочей в Беринговом море.

Понятно, что подтвердить достоверность этих представлений конкретными данными получается далеко не во всех деталях. Однако, во-первых, представления других исследователей об этих же событиях такого абсолютного подтверждения также не имеют. Однако, во-вторых, я хотя бы попытался свести имеющиеся в моём распоряжении данные о судьбах казаков С. Дежнёва и Ф. Попова в более или менее единую картину. Другое дело, что с нею можно соглашаться, можно просто принять её к сведению, а можно и полностью отрицать. Но при этом следует помнить, что если подлинные данные землепроходцев были мною проинтерпретированы всего лишь несколько иначе, то мои предшественники многие из этих сведений данных попросту искажали. Что особенно наглядно проявилось в постоянных утверждениях о том, что часть кочей отряда С. Дежнёва потерпела крушение ещё до подхода к мысу его имени. А также в том, что экипаж коча Г. Анкудинова был полностью уничтожен чукчами, а коч Ф. Попова потерпел крушение на южном берегу Анадырского лимана.

Что же касается оценки результатов похода С. Дежнёва на реку Анадырь в целом, то об этом лучше всех сказал сам казак: *«И с Колымы реки поднялся я холоп твой, морем – проведываю новых рек и приискал вновь, сверх тех прежних рек, новую реку Анадырь, и на той новой на Анадырь реке, будучи на твоей, великого государя, службе, зимовье и острог поставил, и аманатов поймал, и ясаку тебе, великому государю и десятыя собрал на той новой реке 6 сороков 39 соболей и пластин соболевых 7 сороков, 4 пупка соболевых, 15 пуд 36 фунтов кости рыбы моржевого зубу»* [Челобитная ленского казака Семёна Иванова Дежнёва..., 1989, с. 51].

В последующие годы С. Дежнёв успешно осуществил ещё несколько походов на разные реки Якутии ради сбора ясака. Однако судьба и в этот раз была к нему благосклонна, тогда как сотни казаков, промышленных и гулящих людей умерли или погибли, а то и вовсе бесследно исчезли на просторах Якутии и Северо-Востока Азии ещё в молодом и зрелом возрасте.

Но самое главное во всём этом заключается в том, что имя С. Дежнёва в отличие от многих, и не менее достойных, землепроходцев (того же М. Стадухина, например), сохранилось не только в истории России, но и в истории всего человечества. Причём, особо отмечу, первую попытку увековечить его имя предпринял знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук, написавший 2 сентября 1778 года в своём дневнике, что: *«Мыс Восточный (мыс Дежнева), или тот выступ, от которого берег поворачивал на SW»* [Белов, 1973, с. 191]. Хотя тогда это название не прижилось.

Второй раз Восточный Нос был назван мысом Дежнёва шведским исследователем Арктики Н.А. Э. Норденшельдом в 1879 году [Географический энциклопедический словарь, 1989]. Но только 18 июля 1898 года, то есть через 250 лет после начала плавания С. Дежнёва, его имя было закреплено, по ходатайству Учёного совета Географического общества, за этим мысом отдельным царским указом [Белов, 1973, с. 196]. Так что остаётся лишь посетовать на медлительность властей и научного сообщества России в увековечивании имени С. Дежнёва и отдать заслуженную дань уважения одному из самых выдающихся землепроходцев Сибири и Дальнего Востока.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. ДЕЖНЁВА

1605–1606 – предполагаемые годы рождения С. Дежнёва.

1629 (1630) – возможное время поверстания в казаки.

1629–1636 – службы в Тобольске и Енисейске.

1636 – появление в Якутске.

1636–1638 – первый поход на реки Яна и Индигирка.

1640 год (23 августа – 13 сентября) – поход на Амту и Тату к батуруским якутам.

1640 год (ноябрь-декабрь) – сбор ясака с якутов князца Сахея Отнакова.

1640 (декабрь) – 1641 (июль) – второй поход на реку Яна.

1641 (сентябрь) – 1643 (июль) – поход на Оймякон, Индигирку и Колыму.

1643–1647 – службы на Колыме.

1647 (июнь – сентябрь) – первое плавание в сторону реки Анадырь.

1647 (сентябрь) – 1648 (май) – охота на соболя на реке Индигирка.

1648 (20 июня – 1 октября) – плавание вокруг Чукотки и крушение коча.

1648 (середина октября – конец декабря) – пеший поход к Анадырскому лиману.

1648 (конец декабря) – 1649 (июль) – зимовка и плавание вверх по реке Анадырь.

1648–1652 – сборы ясака в долине реки Анадырь.

1652 (лето) – 1654 (лето) – открытие «моржовой корги и добыча «рыбьей кости».

1654 – 1659 – исполнение обязанности приказчика Анадырского острожка.

1659 (осень – зима) – возвращение в Нижне-Колымск.

1661 (лето) – 1662 (лето) – плавание от Колымы до Якутска с зимовкой в Жиганске.

1662 (июль) – 1665 (июль) – поездка в Москву и возвращение в Якутск.

1667 (весна – лето) – служба на Чечуйском волоке.

1667 (осень) – 1668 (осень) – сбор ясака на реке Оленёк.

1669 (зима – весна) – третий поход на реку Яна.

1669 (лето) – 1670 (весна) – сбор ясака в Средне-Вилуйске.

1670 (лето) – 1672 (зима) – вторая поездка и пребывание в Москве.

1673 (начало года) – кончина в Москве.

ЛИТЕРАТУРА

Агалаков В. С. Камчатка – край циклонов. М. : «Знание», 1973. 63 с.

Азатьян А.А., Белов М.И., Гвоздецкий Н.А., Каманин Л.Г., Мурзаев Э.М., Югай Р. Л. История открытия и исследования советской Азии. М. : «Мысль», 1969. 535 с.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII–XVIII вв. под редакцией и с введением члена-корреспондента Академии наук СССР А. В. Ефимова. М. : Наука, 1964, 135 с.

Авдеев В.А., Измайлов А.А., Осипова М.Н., Соколов Ю. Ф. Русские землепроходцы и мореходы. Из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока. М. : Воениздат, 1982. 80 с.

Белов М. И. Службы и походы С. И. Дежнёва. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: сборник документов о Великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке, сост. М. И. Белов. Л.–М. : Изд-во Главсевморпуть, 1952. С. 79–95.

Белов М. И. Семён Дежнёв, М. : Изд-во «Морской транспорт», 1955. 153 с.

Белов М. И. Крайний Север и Северный морской путь. История открытия и исследования Советской Азии. М. : Мысль, 1969. С. 375–493.

Белов М. И. Подвиг Семёна Дежнёва. М. : Мысль, 1973. 223 с.

Белов М. И. По следам полярных экспедиций. Л. : Гидрометеиздат, 1977. 142 с.

Берг Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. Из записок по Гидрографии, т. II (XIII), вып. 2. Петроград: 10-я Государственная типография в Главном Адмиралтействе, 1920. 65 с.

Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.–Л. : Изд. АН СССР, 1946. 358 с.

Берг Л. С. История русских географических открытий. М. : Изд. АН СССР, 1962. 296 с.

Бурькин А. А. Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2013. 536 с.

Быкасов В. Е. Путешествие имён по карте. Дальневосточный регион России. XVII–XIX вв. Сборник научных статей. Владивосток : Дальнаука, 2015. С. 253–291.

Быкасов В.Е., Быкасов С. В. Топонимия северной части побережья Карагинского залива (Камчатка). Известия РАН, серия географическая, № 3, 2017. С. 103–117.

Вахрин С. И. Встречь солнцу. Петропавловск-Камчатский : Издательство «Камшат», 1996. 350.

Вахтин В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса соединяется ли Азия с Америкой. Санкт-Петербург : Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1890. 124 с.

Географический энциклопедический словарь: географические названия. Главный редактор А. Ф. Трешников. Издание 2-е, дополненное. М. : Советская Энциклопедия, 1989. 592 с.

Гурвич И.С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 302 с.

Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.: Часть первая. Исторический отчёт по путевым дневникам. Петропавловск-Камчатский: Холдинговая компания «Новая книга», 2009. 570 с.

Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Том четвёртый. Санктпетербург : Издано в типографии Эдуарда Праца, 1851. 416 с.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах (XVII – первая половина XVIII вв.). М. : Географгиз, 1950. 318 с.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М. : Наука. 1971, 300 с.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М. : Государственное издательство географической литературы, 1954. С. 474.

Зуев А. С. Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск : Труды гуманитарного факультета НГУ, 2002. 330 с.

Из отписки с реки Колымы якутскому воеводе Петру Головину служилого человека Второго Гаврилова с товарищами о первом походе С. Дежнёва и Ф. Алексеева на Анадырь. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о Великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. Сост. М. И. Белов. Л.–М.: Изд-во Главсевморпути, 1952. С. 110–111.

Из челобитной ленских служилых людей Михаила Стадухина и Семёна Дежнёва с товарищи. Колумбы земли русской. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. С. 28–29.

Из отписки с реки Колымы якутскому воеводе Петру Головину служилого человека Второго Гаврилова с товарищами о первом походе Ф. Алексеева и С. Дежнёва на Анадырь. Колумбы земли русской. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. С. 30–31.

Из отписки якутскому воеводе Ивану Акинфому служилых людей Семёна Дежнёва и Никиты Семёнова о походе на реку Анадырь, о текущих делах Анадырского острожка и другом. Колумбы земли русской. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. С. 42–46.

Из челобитной ленского казака Семёна Иванова Дежнёва царю Алексею Михайловичу о своих походах на северо-восточные сибирские реки с просьбой выдать денежное и хлебное жалование. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о Великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. Сост. М. И. Белов. Л.–М. : Изд-во Главсевморпути, 1952. С. 147–150.

Из челобитной царю Алексею Михайловичу промышленного человека Ивана Фёдорова Казанца о своих службах на реках Лене, Колыме и Анадыре совместно с Семёном Дежнёвым и Михаилом Стадухиным. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о Великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. Сост. М. И. Белов. Л.–М.: Изд-во Главсевморпути, 1952. С. 245–247.

История Дальнего Востока СССР с древнейших времён и до XVII века. М. : Наука, 1989. 375 с.

История Чукотки с древнейших времён до наших дней. Под руководством и общ. науч. ред. Н. Н. Дикова. М. : Мысль, 1989. 492 с.

Кацыка А. П. Температурный режим Камчатки. Вопрос географии Камчатки. Вып.4. 1966. С. 86–93.

Кондратьев В.И. Климат Камчатки. М. : Гидрометеиздат, 1974. 204 с.

Корякский округ: даты, события, факты. Справочное издание. Авторы-составители Т. М. Хелол, В. Т. Броневиц, В. А. Мышляев. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2018. 336 с.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.–Л. : Главсевморпуть, 1949. 841 с.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Том I. Санкт-Петербург. Наука, Петропавловск-Камчатский : «Камшат», 1994а. 438 с.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Том II. Санкт-Петербург. Наука. Петропавловск-Камчатский : «Камшат», 1994б. 319 с.

Кусков В. П. Был ли Федот Попов на Камчатке? Вопросы географии Камчатки. Вып. 4. Петропавловск-Камчатский : Дальневосточное книжное издательство, 1966.. С. 94–100.

Лебедев Д.М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования: с древних времён до 1917 года. М. : Мысль. 1971, 516 с.

Леонтьев В. В. Поселения и жилища кереков. Экономические и исторически исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан : 1976, С. 153–164.

Магидович И.П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. В пяти томах / Редколлегия: В. С. Преображенский и др. Т. 3. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII–XVIII вв.). – 3-е издание, переработанное и дополненное. – М. : Просвещение, 1984. – 319 с.

Махоркин И. Ф. Открытие и исследование Камчатки, Камчатская область. Статьи и очерки по географии (под редакцией М. Д. Арсеньевой). Петропавловск-Камчатский : Дальневосточное книжное издательство, 1966, с. 3–11.

Наказная память атамана Осипа Галкина ленским служилым людям Богдану Артемьеву Сорокоумову, Лаврентию Тимофееву Губарю, Семёну Ивановичу Дежнёву о поездке их на реки Амгу и Тату. Колумбы земли русской. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. С. 25.

Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М. : Просвещение, 1990. 144 с.

Никитин Н. И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. М. : Российская политическая энциклопедия, 1999. 190 с.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. Сборник документов. Сост. Орлова Н. С. Ред. Ефимов А. В. М. : Географгиз, 1951. 620 с.

Отписка Ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова, с роспро-
сными речами Енисейских служивых людей Постника Иванова и Про-
копия Лазарева, бывших на реках Индигирке и Янге для ясачного сбора
и открытия новых земель. Дополнения к Актам историческим, собран-
ным и изданным Археографическою комиссиею. Том второй. Санктпе-
тербург : Типография Эдуарда Праца, 1846. С. 241–243.

Отписка Якутскому воеводе Ивану Акинфову служивых людей Семё-
на Дежнёва и Никиты Семёнова о походе на реку Анадырь, о военных
действиях против инородцев и проч. Дополнения к Актам историческим,
собранныя и изданныя Археологическою комиссиею. Том четвёртый.
Санктпетербург : Издано в типографии Эдуарда Праца, 1851. С. 16–27.

Отписка казачьего десятника Михаила Стадухина о пребывании его
на реках Анадырь, Аклан, Изиге и Тавую. Дополнения к Актам исто-
рическим, собранныя и изданныя Археологическою комиссиею. Том
четвёртый. Санктпетербург: Издано в типографии Эдуарда Праца, 1851.
С. 120–122.

Отписка с Колымы якутским воеводам Василию Пушкину, Кириллу
Супоневу и дьяку Петру Григорьевичу Стеншину ленского служилого че-
ловека Михаила Стадухина с товарищами о походе к востоку от Колымы.
Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов
о Великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии
в XVII веке. Сост. М. И. Белов. Л.–М. : Изд-во Главсевморпути, 1952.
С. 116–117.

Отписка с Колымы якутским воеводам Василию Пушкину, Кириллу
Супонёву и дьяку Петру Григорьевичу Стеншину ленского служилого че-
ловека Второго Гаврилова и таможенного целовальника Третьяка Иванова
Заборца о втором походе С. Дежнёва и Ф. Алексеева на Анадырь. Колумбы
земли русской. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. С. 31–32.

Письмо В. Беринга гр. Остерману, 20 апреля 1741 г. Экспедиция Бе-
ринга. М. : Главное архивное управление НКВД СССР, 1941. С. 329–332.

Плывать по морю необходимо. Петропавловск-Камчатский : СЭ-
ТО-ЭСТ, 1998. С. 618.

Песков В. Плывать по морю необходимо. Плывать по морю необходи-
мо. Петропавловск-Камчатский : СЭТО-ЭСТ, 1998. С. 610–616.

Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное издательство, Сахалинское отделение, 1982, 207 с.

Полевой Б. П. Плавал ли И. М. Рубец от Лены до Камчатки в 1662 г.? Норд-Ост. Петропавловск-Камчатский : Дальневосточное книжное издательство. Камчатское отделение, 1984. С. 34–51.

Полевой Б. П. Находка челобитной первооткрывателей Колымы. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск: 1965.

Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки: часть первая. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 1997а. 159 с.

Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки: часть вторая. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 1997б. 203 с.

Полевой Б. П. Открытие Камчатки в свете новых архивных находок. Материалы третьих международных исторических и Свято-Иннокентьевских чтений, посвящённые 300-летию присоединения Камчатки к России. Петропавловск-Камчатский : Издательство «Белый Шаман», 1999. С. 5–8.

Рапорт А. Шхелтинга В. Берингу. 1740 г. Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский. М. : 1941. С. 234–239.

Рапорт А. Чирикова в адмиралтейств коллегию, 7 декабря 1741 г. Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский. М. : 1941. С. 273–285.

Расспросные речи служилых людей Нехорошко Колобова, Андрея Горелого, Фёдора Чукичева о плаваниях по рр. Оймекон, Охоте и Индигирке в 30–40-х гг. от 8 января 1646 г. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. Сборник документов. Сост. Орлова Н. С. Ред. Ефремов А. В. М. : Географгиз, 1951. С 139– 144 с.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о Великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. Сост. М. И. Белов. Л.–М. : Издательство Главсевморпуть, 1952.

Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М. : Наука, 1978. 258 с.

Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во, 1983. 111 с.

Сгибнев А. С. Исторический очерк важнейших событий в Камчатке // Вопросы истории Камчатки. 2005, Вып. 1. С. 5–103.

Тексты «Чертежа Камчадалского носу монаха Игнатия Козыревского». Колумбы земли русской. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. С. 258–269.

Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках. Составление, введение и комментарий Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Фёдоровой. Л. : Наука, 1979. 280 с.

Челобитная царю Михаилу Фёдоровичу служилых людей Енисейского острога Осипа Семёнова, Семёна Чуфариста, Семёна Дежнёва и др. о заслуженном жалованье. Колумбы земли русской. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. С. 24.

Челобитная царю Алексею Михайловичу приказчика Анадырского острожка Семёна Дежнёва о выдаче ему жалования и о перемене приказчика на реке Анадырь. Колумбы земли русской. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. С. 35–36.

Челобитная ленского казака Семёна Иванова Дежнёва царю Алексею Михайловичу об открытии «новой землицы» – реки Анадыря, о постройке острожка, сборе ясака с «иноземцов» и промысле моржовых клыков. Колумбы земли русской. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1989. С. 51–52.

Чернавская В.Н. «Восточный фронтир» России XVII – начала XVIII века. Историко-историографические очерки. Владивосток : Дальнаука, 2003. 176 с.

Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский. М. : 1941. 418 с.

Экстракт из сочинения проф. Г. Ф. Миллера «ИЗВЕСТИЯ О СЕВЕРНОМ МОРСКОМ ХОДЕ ИЗ УСТЬЯ ЛЕНЫ РЕКИ РАДИ ОБРЕТЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СТРАН». ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ БЕРИНГА ОТ 27 АПРЕЛЯ 1737 Г. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М : Государственное издательство географической литературы, 1950. С. 258–264.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Предыстория открытия Берингова пролива.....	5
Начальные службы и первые походы С. Дежнёва.....	12
От Колымы до Анадыри.....	36
Судьба кочей торговых людей.....	76
Дальнейшие службы С. Дежнёва.....	89
Заключение.....	96
Основные даты жизни и деятельности С. Дежнёва.....	98
Литература.....	100

Научное издание

Быкасов Валерий Егорович

**ПОХОДЫ
СЕМЁНА ДЕЖНЁВА**

В авторской редакции

Оригинал-макет А. Пантелеева

Подписано в печать 16.09.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 6,27.

Тираж 100 экз. Заказ КП00-003288.

Издательство «Камчатпресс». 683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а.

Отпечатано в ООО «Камчатпресс». 683017,
г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а, www.kamchatpress.ru